



РЕИНКАРНАЦИЯ

18+

Li Si

LI SI

Реинкарнация

<https://litres.ru/74627224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре года я хранил свою скорбь, выстроив жизнь вокруг дочери. Но всё полетело к чертям, когда в моем доме появилась девятнадцатилетняя Дана. Её пронзительный взгляд, изгибы тела и темные волосы — это не просто сходство, это пугающий призрак моей умершей жены. Я должен быть для неё лишь строгим отцом её подруги, но каждый раз, оставаясь с ней наедине, совершаю грех и теряю рассудок. Кто она для меня: жестокая шутка судьбы, заставляющая предавать прошлое, или единственный шанс на реинкарнацию мертвой души?

#властный_герой

#эмоции_на_границах

#одержимость

#сложные_отношения

#главный_герой_грек

#героиня_студентка

#отец_подруги

#запретные_чувства

Содержание

Реинкарнация	4
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	67
Глава 7	83
Глава 8	93
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

LI SI

Реинкарнация

Реинкарнация

Глава 1

— Девушка, извините, но этот суп вообще не похож на то, что у вас в меню нарисовано, — мужчина средних лет в пестром кардигане недовольно указал ложкой на тарелку. — На картинке крем-суп густой, посыпан тыквенными семечками и полит зеленым соусом. А мне принесли просто какую-то однородную желтую массу. Шеф-повар забыл половину ингредиентов положить?

— Простите, пожалуйста, за недоразумение, — я выдавила свою самую мягкую, примирительную улыбку. — Фотографии в меню делают фуд-стилисты, и выкладывают они декор на уже остывший суп ради красивого кадра. А в жизни суп подается очень горячим, у него плотность другая. Понимаете? Из-за этого семечки быстро оседают на дно за те пару минут, пока я выношу тарелку с кухни. Попробуйте просто перемешать ложкой — уверяю вас, все ингредиенты на месте. Но если вам покажется, что даже их вам маловато, я с удовольствием принесу вам дополнительную пиалу с подсушенными семечками.

Мужчина недоверчиво посмотрел на меня, опустил ложку в тарелку, помешал и выудил со дна горсть крупных тыквенных семечек. Его лицо тут же разгладилось, а на губах появилась немного смущенная кривая улыбка.

— Надо же, действительно всё на месте. Погорячился.

Ладно, семечек отдельно не нужно, всё в порядке. Принесите, пожалуйста, кофе. Американо.

— Будет исполнено, — вежливо кивнула я и поспешила к барной стойке.

У стойки раздалось тихое смешливое похрюкивание нашего бармена Костика, который откровенно забавлялся всей этой сценой.

— Данка, ты когда-нибудь договоришься, — шепнул он, наливая напиток. — Клиенты ходят сюда есть, а не слушать лекции о плотности супов от первокурсницы архитектурного.

— Так я себя развлекаю, Кость. Если бы эти клиенты платили нормальные чаевые, я бы молчала, как рыба в пироге, и с улыбкой заменяла блюдо, — тихо буркнула я, забирая чашку. — А за эти копейки они получают полный пакет услуг.

Мой рабочий день начался четыре часа назад, и к обеду ноги уже начинали ныть. В нашем ресторанчике, расположенном в историческом центре города, прямо рядом с главным корпусом Академии художеств, всегда было шумно. Пахло аппетитным чесноком, свежей выпечкой, кофе и хорошим парфюмом. Потолки здесь были высокими, с лепниной, а огромные окна выходили на улицу.

Я привыкла к этому ритму. Тяжелый поднос в руках, вечная беготня между столами и кухней, дежурные улыбки — всё это давно стало моей параллельной реальностью, которая

помогала мне проживать свою жизнь в огромном, чужом и безумно дорогом мегаполисе.

Пока я протирала освободившийся столик, глядя на то, как капли дождя лениво сползают по стеклу, мысли невольно унесли меня назад. Туда, где всё было по-другому.

Я родилась и выросла в маленьком провинциальном городке под названием Вереть. Это был аккуратный, зеленый городок в нескольких часах езды отсюда. Время здесь словно текло медленнее, а главной его гордостью был огромный тракторный завод, чьи кирпичные трубы высились на окраине, напоминая о славном индустриальном прошлом.

Мой отец, Алексей Петрович, всю жизнь проработал автомехаником. Он был совладельцем небольшой, но очень популярной в городе частной автомастерской. От отца всегда пахло бензином, машинным маслом и табаком. Его руки были покрыты мелкими шрамами и вьёвшейся в кожу темной смазкой, которую не мог отмыть ни один очиститель. Но для меня эти руки были волшебными — отец мог перебрать любой самый сложный двигатель старой иномарки с закрытыми глазами, просто по звуку определяя, какой именно клапан требует регулировки.

В его мастерской царил свой военный порядок. На стене из толстой фанеры были аккуратно нарисованы контуры каждого рожкового ключа, отвертки и пассатижей.

— Запомни, Данка, — говорил он мне, усаживая на ста-

рый деревянный ящик из-под инструментов и протягивая чистое полотенце, — в технике нет места «авось». Ошибешься на полмиллиметра в зазоре — и мотор заклинит на первом же перекрестке. В жизни всё устроено точно так же. Если строишь что-то — делай это по уровню. Не терпи халтуру, особенно от самой себя.

Мама, Елена Михайловна, работала старшей медсестрой в нашей веретьской поликлинике. Она была невероятно милой, терпеливой женщиной, но обладала удивительным внутренним стержнем. Наша уютная и просторная трехкомнатная квартира с хорошим современным ремонтом всегда сияла чистотой. Мама умудрялась держать дом в таком идеальном порядке, что позавидовала бы любая операционная. Ни одной пылинки на полках, всегда свежие цветы в вазе, идеально наглаженные скатерти и стопки отутюженного постельного белья, пахнущего свежестью.

Мы жили в хорошем, стабильном достатке. Родители ни в чем мне не отказывали, но отец с ранних лет воспитывал во мне правильное отношение к труду и деньгам. Я рано усвоила урок о том, что свои хотелки способна покупать себе сама. Именно поэтому в шестнадцать лет, когда мне до безумия захотелось мощный графический планшет для цифрового рисования и черчения, отец хитро прищурился и сказал: «Я добавлю тебе ровно половину суммы, но вторую половину ты должна сама заработать».

И я пошла работать. Устроилась на подработку уборщи-

цей в местный супермаркет — мыла полы после школы по вечерам три раза в неделю. Помню свой первый рабочий день: тяжелое синее ведро на колесиках, профессиональная швабра и бесконечные ряды кафельного пола. Одноклассницы, заходившие в магазин за конфетами, удивленно перешептывались у меня за спиной и хихикали, не понимая, зачем домашней девочке из обеспеченной семьи махать тряпкой. Было ли мне стыдно? Ни секунды. Я знала, ради какой цели я это делаю. И когда через три месяца я сама, на собственные честно заработанные деньги, купила тот самый планшет, гордость за саму себя буквально переполняла меня. Этот опыт навсегда научил меня не бояться никакой физической работы.

Мой выбор специальности для вышки родители полностью поддержали. Мама сначала переживала, что архитектура — слишком сложная, мужская специальность, но отец сразу одобрительно похлопал меня по плечу. Для меня архитектура была идеальным союзом отцовской инженерной точности и маминого стремления к порядку.

Помню, как в старших классах я часами сидела над чертежами старых зданий, которые находила в книгах. Я высчитывала пропорции по линейке, замирая от восторга, когда линии сходились в идеальной перспективе. Архитектура казалась мне победой человека над хаосом. И я хотела быть той, кто эту победу проектирует.

Поступила я на бюджет сама, набрав на ЕГЭ высокие бал-

лы по всем профильным предметам. Родители провожали меня на вокзале со слезами на глазах. Отец тогда крепко обнял меня, сунул в карман куртки свернутые купюры и негромко сказал:

— Молодец ты у нас, умница. Будь осторожнее в большом городе.

С этим напутствием я и приехала в Питер и заселилась в общежитие. Подработку в ресторане я нашла сразу, вопреки родительским уговорам. Недели хватило на то, чтобы они приняли тот факт, что работать я буду без ущерба учебе, а жизнь в большом городе отличается дороговизной, поэтому любая денежка тут точно не будет лишней. Моя философия жизни оставалась простой: рассчитывай прежде всего на себя, уважай чужой труд и никогда не пасуй перед трудностями.

С этими мыслями я закончила протирать стол, закинула поднос на барную стойку и взглянула на часы. Половина второго. Моя утренняя смена официально завершилась, и мне нужно было срочно бежать в Академию — в два часа начинался семинар по начертательной геометрии у профессора Зотова, которого студенты между собой ласково звали «Инквизитором».

Быстро переодевшись в свои обычные джинсы и серый свитер крупной вязки, я схватила старый рюкзак и выскочила на улицу. Осенний ветер тут же швырнул мне в лицо

горсть холодных брызг, заставляя поглубже зарыться носом в воротник.

Академия встретила меня своим привычным величием: огромные дубовые двери, гулкие коридоры со сводчатыми потолками, огромные окна до потолка, пахнущие гипсом, масляной краской и многовековой историей. Студенты с нашего потока стояли стайками у аудиторий. Они лениво обсуждали привычные темы: вчерашние тусовки в модных клубах, новые гаджеты и поездки за границу.

Я держалась в стороне, проходя к кабинету начертательной геометрии. Именно там, на второй неделе сентября, моя жизнь сделала крутой вираж, тесно столкнув меня с той, кто была моей полной противоположностью.

Марина Карантис и до этого выделялась среди обеспеченных студентов. Но не тем, что выставляла свое богатство напоказ, а как раз наоборот — абсолютным равнодушием к нему. Она была крошечной, хрупкой, с точеными чертами лица и капризно очерченными губами. Носила дорогие брендовые вещи так, словно это были старые домашние футболки, а её длинные темные волосы вечно были собраны в какой-то безумный, растрепанный пучок, из которого торчали простые карандаши. В её почти черных глазах всегда горел какой-то упрямый, бунтарский огонек.

Мы в тот день сидели в аудитории. Зотов, суровый старик с седыми усами, чертил на доске сложный эпюр — пересечение многогранников со скрытыми полостями. Полови-

на курса уныло зависла, глядя на эту графическую паутину. Марина сидела прямо позади меня и минут десять тихо, но невероятно выразительно ругалась себе под нос, ломая грифель карандаша.

— Если эта линия проекции не сойдется с осью абсцисс, я запущу эту готовальню прямо в усы Зотову, — прошипела она, в очередной раз усредно стирая начерченное.

Я усмехнулась и, слегка повернувшись назад, шепнула:

— Сделай вспомогательное сечение по плоскости горизонтали. Проекция пойдет легче.

— Чего? — Марина уставилась на меня своими огромными глазами. — Какое еще сечение? Я архитектор, а не патологоанатом, чтобы сечения делать!

— Дай сюда лист, — я забрала её тетрадь и за пару секунд быстрым движением набросала схему на полях. — Смотри. Вот эта точка — пересечение ребер. От нее води перпендикуляр вниз, на фронтальную плоскость. Поняла?

Марина уставилась на мой набросок так, словно я только что открыла ей тайну создания египетских пирамид.

— Офигеть... — выдохнула она, переводя взгляд с тетради на меня. — Это же так просто! А этот динозавр у доски уже полчаса какую-то квантовую физику нам втирает. Ты гений, как тебя зовут?

— Дана, — улыбнулась я.

— А я Марина. Спасительница моя, я теперь твой должник до конца семестра!

После этой лекции Марина буквально не отходила от меня. Она потащила меня в небольшое студенческое кафе за углом Академии, заявив, что «обязана накормить своего личного спасителя нормальной едой».

Я сначала держалась настороженно — не привыкла к такому быстрому сближению, да и разница в нашем социальном положении тактично намекала, что у нас не может быть ничего общего. Но Марина оказалась на удивление простой. Она уплетала дешевые блинчики с вареньем, пачкая пальцы, и со смехом рассказывала, как вчера пыталась склеить макет из картона и случайно приклеила собственный палец к рабочему столу.

— Представляешь, — хохотала она, активно жестикулируя, — папа заходит в комнату, а я сижу, приросшая к макету ротонды, и плачу! Он сначала испугался, а потом полчас отпаривал меня теплой водой с мылом и читал лекцию о технике безопасности при работе с химическими составами.

— Твой папа очень строгий? — поинтересовалась я, размешивая сахар в чае.

— Он не строгий, он... особенный. Во-первых, он грек, во-вторых, его зовут Янис, а в-третьих, он просто невероятно крутой, — Марина на секунду посерьезнела, и в её глазах промелькнула нежность. — Мы с ним на самом деле как друзья. Мама умерла три года назад, и мы остались вдво-

ем. Папа меня безумно любит, балует, вон, кроссовер подарил на совершеннолетие. Мы с ним можем до ночи смотреть какие-нибудь дурацкие комедии и объедаться пиццей прямо на полу в гостиной. Но при этом он для меня — суперавторитет. Я очень хочу, чтобы он мной гордился.

Слушая её, я понимала, что эта девочка — совсем не пустая мажорка, какой казалась со стороны. Она была раненой. Глубоко переживала потерю матери и была бесконечно предана своему отцу.

Окончательно мы сблизились в середине сентября. Стоял редкий для Питера осенний теплый, солнечный полдень. У нас отменили одну из лекций, и Марина потащила меня в Михайловский сад. Я в действительности до этого момента думала, что целью ее общения со мной была только помощь в учебе, но всю прогулку она совершенно искренне интересовалась моей жизнью, как будто хотела узнать обо мне побольше. Мы шли по аллее, усыпанной первыми золотыми листьями, шурша ими под ногами. Воздух пах сырой землей, прелыми листьями и терпимой прохладой.

— А Расскажи про свой город, — Марина заглянула мне в лицо, весело шагая спиной вперед. — Ну, про эту... Вереть. Как вы там жили?

— Как жили? — я улыбнулась, вспоминая жизнь из прошлого. — Просто жили. Город у нас маленький, все друг друга знают. Папа работал и до сих пор работает в своей мастерской, чинит машины. Я часто приходила к нему, помо-

гала ключи подавать, гайки крутить. Он меня учил, что если делаешь что-то — делай на совесть. А мама работает в поликлинике, часто приходит уставшая, но дома у нас всегда тепло и очень уютно. Знаешь, у нас простые радости. Мама всегда пекла пироги по выходным, и этот запах дрожжевого теста — это для меня самый лучший запах в мире.

Марина остановилась, внимательно глядя на меня. Её лицо вдруг стало не по-детски серьезным.

— Это так круто, Дан. У тебя есть то, чего не купишь ни за какие деньги. Настоящая, теплая семья. У нас и в загородном доме, и в квартире... очень красиво. Дом в пригороде вообще папа сам проектировал, там стекло, бетон, много света. Но иногда мне кажется, что там очень холодно. Как в музее. Папа после смерти мамы словно закрылся в своем кабинете. Много работает, строит свой бизнес, заботится обо мне, но... я так скучаю по тем временам, когда мама была жива и мы просто смеялись все вместе.

Я импульсивно обняла её за плечи, прижимая к себе. Марина была такой хрупкой, словно фарфоровая куколка, и в этот момент мне безумно захотелось защитить её от всей пережитой боли, которую она носила в себе.

— Всё будет хорошо, Марин, — сказала я. — Твой папа просто переживает потерю по-своему. Я читала, что мужчины вообще не умеют плакать, они переводят свои эмоции в работу. Это их способ выжить.

— Наверное, ты права, — она шмыгнула носом и улыбнулась, быстро стирая набежавшую слезинку. — Ладно, хватит драмы! Пойдем лучше купим мороженое, пока солнце не скрылось. Я угощаю!

— Ну уж нет, за мороженое плачу я, — решительно возразила я. — Мои чаевые за вчерашнюю смену вполне позволяют мне шикануть на два пломбира в стаканчике.

Марина весело рассмеялась, и мы побежали к палатке с мороженым, чувствуя себя абсолютно счастливыми и свободными.

К концу сентября наши учебные будни вошли в привычную колею, превратившись в веселый, но изматывающий марфон. Мы с Мариной стали практически неразлучны. Она помогала мне разбираться в тонкостях истории искусств, в которой я откровенно плавала, засыпая под бесконечные лекции о барокко и рококо, а я спасала её на начертательной геометрии и ОПК.

Наши семинары у Зотова превратились в настоящее поле боя за выживание. «Инквизитор» спуска не давал никому, безжалостно отправляя на пересдачу макеты и чертежи даже самых "высокопоставленных" студентов. И его не волновало, что мы пришли в большой мир архитектуры пару недель назад и еще не обладали знаниями и умениями, которые удовлетворили бы его.

— Карантис! — прогремел голос Зотова на очередном занятии по макетированию. — Что это за пизанская баш-

ня у вас на подрамнике? Почему левый пиннакл завален на два градуса относительно вертикальной оси? Вы собираетесь строить здания, которые рухнут от первого же дуновения ветра?

Марина испуганно вытянулась в струнку, сжимая в руке рейшину.

— Э-э-э... это... это концептуальное прочтение готической деструкции! — попыталась выкрутиться она, косясь на меня.

— Концептуальная деструкция у вас будет в зачетной книжке, если вы не исправите этот срам к завтрашнему дню! — отрезал Зотов, ставя жирную красную птичку в своем журнале. — Переделать!

Когда преподаватель отошел к следующему столу, Марина уныло сползла на стул, утыкаясь лицом в ладони.

— Всё, я труп, — приглушенно раздалось из-под её ладоней. — Папа меня убьет. Он вчера проверял мой чертеж и сказал, что у меня хромает композиционное мышление. Если я принесу домой тройку за этот макет...

— Ладно, трагическая актриса, не ной, у нас еще есть время, — я покачала головой, невольно улыбаясь её преувеличенному горю. — После пар поедem ко мне в общагу. Наш читальный зал, конечно, не пятизвездочный отель, но там есть большой ровный стол. Как раз то, что нужно. Я помогу

тебе переделать. Там делов-то на два часа.

Марина мгновенно подняла голову, её глаза просияли от восторга.

— Ты просто мой личный ангел-хранитель на бюджетной основе! Боже, я готова носить тебя на руках!

— На руках меня носить не надо, я потяжелее твоих картонных макетов буду, — рассмеялась я. — Лучше приготовься много и усердно резать картон. Работать будем по моему методу.

— Слушаюсь, капитан Барышева! — Марина весело салютовала мне карандашом, и её уныние мгновенно испарилось, уступив место привычной бурной энергии.

Наблюдая за её радостным лицом, я чувствовала, как на душе становится тепло и спокойно. Наша дружба становилась для меня самым ценным, что появилось в этом городе.

Глава 2

С переездом сюда, я осознала, что питерский ветер в конце сентября — это особое, изощренное испытание на прочность несущих конструкций человеческого терпения. Он не просто дует, он маневрирует между старинными домами, закручивается ледяными воронками в узких проходных дворах-колодцах и с какой-то личной неприязнью швыряет пригоршни колючей водяной пыли прямо в лицо.

— Даня, если этот картон намокнет, я сама превращусь в готическую деструкцию! — донесся до меня жалобный писк Марины.

Мы быстрыми перебежками двигались по брусчатке Васильевского острова. Мое общежитие располагалось удивительно удачно — всего в десяти минутах ходьбы от главного корпуса Академии. Именно поэтому Марина без колебаний оставила свой новенький кроссовер на парковке у учебного заведения.

— Смысл прогревать машину и воевать за парковочное место в этих узких линиях, если до твоей общаги пешком идти быстрее? — заявила она, когда мы вышли после пар.

Сейчас мы обе отчаянно пытались спасти результаты её многочасовых трудов. Марина несла подрамник, бережно прижимая его к груди и прикрывая своим дизайнерским пла-

щом, а я тащила огромный пакет с листами серого макетного картона, молясь, чтобы он не размок по дороге. Мой зонт мы давно закрыли — ветер пытался вывернуть его наизнанку с такой силой, что была реальная угроза остаться без рук.

— Быстрее, Карантис, шевели своими брендовыми ботинками! — подгоняла я её, сворачивая в нужный переулок. — Еще сто метров, и мы на базе. Там тепло и сухо.

Общежитие представляло собой старинное четырехэтажное здание из красного кирпича с высокими арочными окнами. На крыльце, прячась под небольшим козырьком от дождя, толпились студенты, наперебой курили, спорили об эпюрах по начерталке и кутались в куртки.

У входа нас встретил самый главный и суровый рубеж обороны — тетя Валя, наша легендарная вахтерша самого типичного вахтерского вида: женщина необъятных размеров с лицом римского центуриона и вечным кроссвордом на коленях. Она зорко взглянула на Марину поверх своих маленьких очков для чтения.

— Так, Барышева, это кто с тобой? — её голос прозвучал как выстрел. — Посторонним после пяти входить строго воспрещено. Правила для всех одни, сама знаешь.

— Тетя Валя, пожалуйста, — я включила всё свое обаяние, подходя к окошку и стараясь не капать водой с мокрой челки на её чистый журнал. — Это Марина, моя однокурсница. Нам завтра сдавать важнейший макет по ОПК профессору Зотову, вы же знаете, какой он зверь. Мы только пере-

делаем пиннакль в читальном зале на первом этаже, и она сразу уедет. Обещаю! Под мою личную ответственность.

Тетя Валя сурово посмотрела на Марину, оценивая её промокший, но явно очень дорогой плащ, затем перевела взгляд на картонные листы в моих руках и тяжело вздохнула. К студентам-архитекторам у неё была слабость — она рассказывала, как сама когда-то тридцать лет назад работала чертежницей в проектном институте и прекрасно помнила эти предпросмотровые ночи без сна.

— Ладно, — буркнула она, записывая данные Марины из студенческого билета в потрепанную амбарную книгу. — Чтобы до девяти вечера гостя покинула общежитие. Барышева, головой за нее отвечаешь. Если застукаю на этаже ночью — вылетите обе под дождь.

— Спасибо, тетя Валя! Вы лучшая! — Марина весело подмигнула вахтерше, отчего та только недовольно крякнула и снова уткнулась в свой кроссворд.

Мы поднялись по широкой, старинной каменной лестнице с коваными перилами на четвертый этаж. В коридоре стоял непередаваемый запах студенческой жизни: жареный лук, дешевые специи быстрорастворимой лапши, мокрая обувь и стиральный порошок.

Я толкнула дверь комнаты. Внутри было тихо. Она была рассчитана на троих: три простые железные кровати, два письменных стола, заваленных учебниками, и один большой старый шкаф с отслаивающимся шпоном. На стене висели

плакаты с анатомическими схемами человека и несколько репродукций картин импрессионистов.

Я невольно почувствовала легкий укол неловкости перед Мариной. Наша комната, хоть и была чистой и аккуратной благодаря моим постоянным стараниям, всё же выглядела скорее всего очень скромно по сравнению с роскошным домом, в котором она жила. Обои в некоторых местах слегка отошли от сырости, а на потолке красовалось старое желтое пятно от давней протечки крыши.

— Ну... вот так я и живу, — неловко улыбнулась я, проходя внутрь и ставя мокрый рюкзак на пол. — Добро пожаловать в мои хоромы. Извини за беспорядок, девчонки, видимо, ушли на пары или в библиотеку.

Марина зашла следом, аккуратно прислонив подрамник к стене. Она огляделась по сторонам, но на её лице не отразилось ни тени брезгливости или высокомерия. Напротив, её глаза загорелись любопытством.

— Даня, да ты шутишь! У вас тут так... атмосферно! — она подошла к стене, с интересом рассматривая анатомический плакат с изображением черепа в разрезе. — Боже мой, это чьё? Выглядит безумно.

— Это Даши, моей соседки, — улыбнулась я, чувствуя, как напряжение отпускает меня. — Она учится на втором курсе.

В этот момент дверь скрипнула, и в комнату заглянула Света — наша третья соседка. Она была круглолицей, улыб-

чивой девчонкой со светлыми волосами. В руках она держала огромный пакет с сушками.

— О, Данка, привет! — Света весело зашла в комнату. — Ого, у нас гости? Привет, я Света. Хочешь сушку? Свежие, маковые, еще хрустят.

— Привет, Света! Я Марина, — моя подруга мгновенно расплылась в дружелюбной улыбке и, нисколько не колеблясь, запустила руку в пакет, выуживая добычу. — Спасибо, я умираю с голоду. Мы только что совершили марш-бросок под дождем, это было эпично.

Я с облегчением наблюдала за тем, как Марина без всякого пафоса уселась прямо на мою кровать, поджав ноги, грызла сушку и весело болтала со Светой о превратностях жизни первокурсников.

— Ладно, девчонки, болтать — это здорово, но Зотов завтра сделает из меня отбивную, если мы не переделаем этот несчастный пиннакль, — вздохнула Марина, поднимаясь с кровати. — Даня, куда мы идем? В читальный зал?

— Да, забираем картон, линейки и макетные ножи, — кивнула я. — Свет, мы вниз, в читалку.

— Окей, удачи вам с макетом! — помахала нам рукой Света, уплетая очередную сушку.

Читальным залом в общежитие было просторное, прохладное помещение с длинными деревянными столами, покрытыми старым зеленым сукном, и высокими окнами, выходящими во внутренний двор. В углу уныло гудел старый

холодильник вахты, а на столах горели тусклые настольные лампы с зелеными абажурами. В читалке было пусто и тихо, только капли дождя методично стучали по стеклу снаружи.

Мы разложили наши материалы на самом большом столе.

— Так, — я деловито постучала пальцем по столу. — Смотри, Марин. Ошибка изначально была в расчете толщины картона. Ты резала его под прямым углом, а готический пиннакль требует скоса в сорок пять градусов, чтобы грани сошлись идеально и не было видно швов. Поняла?

— Дань, покажи, как надо, пожалуйста, — уныло вздохнула она, подпирая щеку кулаком. — У меня от этих расчетов уже голова пухнет.

— Смотри внимательно и запоминай, — я взяла кусок плотного серого картона, металлическую линейку и макетный нож. Мои пальцы, привыкшие к точной работе, действовали уверенно. — Кладешь линейку строго по линии разметки. Прижимаешь левой рукой так, чтобы она не сдвинулась ни на миллиметр. Нож держишь под углом и ведешь плавно, без рывков. Сильно не дави, лучше провести три раза аккуратно, чем один раз сорвать лезвие и испортить деталь. Или палец.

Я сделала несколько точных надрезов. На стол посыпалась мелкая картонная стружка. Грани будущей башенки получились идеально ровными и гладкими.

— Ничего себе... — Марина восторженно наблюдала за моими движениями, подавшись вперед. — Ты двигаешься

как профессиональный хирург. Или ювелир. Где ты этому научилась?

— В мастерской у отца, — я зачистила край картона мелкой шкуркой. — Папа часто просил помогать с мелкими деталями при ремонте двигателей.

— Твой папа, должно быть, потрясающий, — тихо сказала Марина, забирая у меня готовую деталь и аккуратно примеряя её к контрфорсу портала. — Мой папа тоже ценит точность. Он ведь архитектор, начинал с простых чертежей на ватмане, сам строил первые объекты. И часто рассказывал, что на старте чертил проекты по ночам при свете свечи, потому что в офисе отключали электричество. Он у меня... очень сильный. Но иногда мне кажется, что его сила — это стена, через которую я не могу пробиться.

— Почему ты так думаешь? — спросила я, нанося тонкий слой клея на стык деталей.

— Не знаю, — Марина вздохнула, прижимая картонные грани друг к другу. — Он очень заботливый, правда. Если я болею, он сам варит мне бульон, контролирует, чтобы я пила таблетки каждые три часа. Но при этом мы почти никогда не говорим по душам. Он словно не хочет показать мне свою слабость или, может быть, печаль. После смерти мамы он ни разу... ни разу не заплакал при мне. Словно заблокировал все эмоции. Я так хочу, чтобы он просто обнял меня и сказал, что всё хорошо, что я молодец. Но вместо этого он проверяет мою успеваемость и говорит: «Хорошо, Марина,

но можно лучше».

Я посмотрела на подругу. Ее отец представлялся мне сложным, закрытым человеком. Мужчиной, который пережил страшную потерю и теперь отчаянно пытался защитить свою единственную дочь от жестокого мира, используя единственное понятное ему оружие — жесткую дисциплину и контроль. Но он не понимал, что Марине нужна была не только дисциплина, но и простое, теплое отцовское объятие.

— Может это его способ проявления чувств, Марин, — мягко сказала я, помогая ей зафиксировать склеенные детали.

Глаза подруги подозрительно заблестели в полумраке.

— Наверное, ты права, Даня. Откуда в тебе столько взрослой мудрости?

— Жизнь научила, — рассмеялась я, пытаюсь разрядить обстановку. — Давай, держи деталь.

Мы работали увлеченно. Время летело незаметно. Нам было весело: мы тихо шутили, обсуждали чудачества наших преподавателей, строили амбициозные планы на будущую летнюю практику и делились маленькими секретами. Марина оказалась потрясающим собеседником — её бурная фантазия и легкое отношение к жизни отлично дополняли мой прагматизм.

Внезапно тишину читального зала нарушил резкий звонок. Марина вздрогнула. На деревянной столешнице завиб-

рировал её телефон. Высветилось **Папочка**.

Марина мгновенно побледнела, вся её веселость испарилась за секунду. Она взглянула на часы на стене. Было уже без десяти девять.

— О боже... — прошептала она, проводя пальцем по экрану и прижимая трубку к уху. — Да, папочка... Да, я в общежитии у Даны... Ну... однокурсницы, я рассказывала тебе как-то. Мы переделывали макет по ОПК...

Из динамика донесся властный мужской голос. Даже на расстоянии полуметра я отчетливо слышала его строгий тон.

— Марина, время девятый час, — прозвучало с телефона. — На улице ливень и темнота. Почему ты еще не дома?

— Прости, пожалуйста! — она испуганно сжала пальцами край стола, голос слегка задрожал от волнения. — Мы просто засиделись, не заметили, как прошло время. Портал получился просто идеальным, честное слово! Но вот я уже собираюсь.

— Десять минут на сборы, — отрезал голос Яниса. — Жду тебя дома через сорок минут. И води машину аккуратно, дорога скользкая. Если задержишься хоть на минуту — завтра поедешь в Академию на автобусе.

— Я все поняла. Уже бегу. Целую! — Марина быстро сбросила вызов и выдохнула, словно только что выбралась из глубокого омуты.

Её руки начали сгребать линейки и карандаши в рюкзак.

— Даня, прости, мне нужно лететь! Папа шутить не любит. Если он сказал сорок минут — значит, ровно через сорок минут он будет стоять у ворот с секундомером. Он у меня классный, но в вопросах пунктуальности — просто беспощаден.

— Всё хорошо, Марин, беги конечно! Макет можешь тут оставить, чтобы не возить туда и обратно, утром потом забережь.

— Спасибо тебе огромное! Без тебя я бы точно завалила этот просмотр! — Марина крепко обняла меня за шею, а затем пулей вылетела из читального зала, громко стуча каблуками по кафельному полу коридора.

— Главное — не гони на дороге, ливень действительно сильный.

Я пошла провожать её до выхода. Мы быстро миновали вахту, где тетя Валя только понимающе кивнула нам вслед, и вышли на крыльцо. На улице снова бушевал холодный осенний ливень. Мы быстро дошли до ее кроссовера, стоявшего на парковке неподалеку, она сняла его с сигнализации и скользнула внутрь. Машина мигнула фарами, завелась и плавно выкатилась со двора общежития, скрываясь в темноте.

Я стояла, кутаясь в свой свитер, и смотрела вслед удаляющимся красным габаритным огням. В голове крутилась мысль о её отце. *«Какой же строгий, тяжелый мужчина,*

— подумала я, зябко потирая плечи. — *Контролирует каждый шаг, требует идеальных результатов, считает минуты... Какое счастье, что у меня совсем другие родители. Простые, любящие и понимающие».*

Я вздохнула, развернулась и пошла обратно в здание. Вернувшись в комнату, обнаружила, что Даши всё еще нет, а Света куда-то испарилась. Подошла к окну, облокотилась на старый деревянный подоконник и достала из кармана телефон. Проверила непрочитанное сообщение от мамы: «Данюша, как дела? Всё хорошо? Мы соскучились».

На душе сразу же потеплело. Быстро набрала мамин номер и через секунду услышала родной голос:

— Данюша! Привет, дорогая! Как ты там? Не замерзла? У вас, говорят, дожди сильные.

— Привет, мамуль! — присела на свою кровать. — Всё хорошо, не замерзла я, одеваюсь тепло, честное слово. Как вы там? Как папа?

— Ой, да у нас всё по-старому, — мамин голос звучал так уютно и непринужденно, словно я сидела рядом с ней на нашей кухне. — Папа вот только из мастерской вернулся, руки моет. Сейчас я его на громкую связь поставлю, он тоже поговорить хотел. Лёша! Иди сюда, Данка звонит!

В трубке раздался шорох, а затем раздался громкий голос отца:

— Привет, дочка! Ну как ты там? Как учеба? Проекты свои чертишь?

— Привет, пап! Всё отлично, — рассмеялась я. — Черчу, макеты режу. Сегодня вот подружке помогала макет готического портала переделывать по ОПК. У нас завтра просмотр у самого строгого препода.

— Молодец, помогать надо, — одобрительно хмыкнул отец. — Учеба — дело коллективное, один в поле не воин. Главное — сама не отставай. Всё успеваешь? В ресторане твоём как дела?

— Да, всё успеваю, — я устроилась поудобнее на подушке, глядя на тусклый свет настольной лампы. — Только подумала... что хочу сменить смены в ресторане на послеобеденные, то есть на вечерние. Помните, я говорила, что у нас было временное расписание и мы учились во второй половине дня? Так вот, со следующей недели начинается постоянное расписание. Наш курс переводят на первую половину дня — пары будут с восьми утра и до двух дня. Так что работать я смогу только вечером, с пяти до девяти или с девяти до полуночи.

В трубке на секунду воцарилась тишина.

— Данюша, — мягко начала мама, явный признак того, что она беспокоится, — но ведь это так тяжело. Учиться с утра, потом сразу на работу до полуночи... Когда же ты отдыхать будешь? А спать? Учеба ведь сложная, чертежи эти

твои ночные... Может, не надо так много работать? Мы с папой можем подкинуть тебе немного денег, у нас сейчас в мастерской дела хорошо идут, папа крупный заказ взял на ремонт машины.

— Мамуль, не нужно, правда, — перебила я её. — Всё под контролем, я умею распределять время. Зато у меня будут свои личные деньги, полная независимость. Не переживайте за меня, пожалуйста.

— Упрямая ты у нас, Данка, вся в меня, — в голосе отца послышалась гордость. — Ладно, мать, не причитай. Девка взрослая, характер железный, пропасть не пропадет. Но ты, дочь, смотри у меня — если почувствуешь, что не успеваешь, сразу говори. Гордость — это хорошо, но здоровье дороже денег и диплома. Поняла?

— Поняла, пап. Обещаю, если будет тяжело — я сразу вам скажу, — улыбнулась я. — Как там ваши дела в мастерской?

Мы проболтали еще минут двадцать. Родители рассказывали мне последние новости: сосед дядя Коля купил новый агрегат для огорода, мама вырастила на балконе красивый куст герани, а папа думает над расширением дела. Эти простые разговоры всегда дарили мне невероятное чувство спокойствия и защищенности. Я знала, что за моей спиной всегда стоят два человека, которые любят меня бескорыстно, просто за то, что я есть. Без всяких условий, требований идеальных результатов и контроля успеваемости.

— Ну ладно, Данюша, отдыхай, ложись спать пораньше,

— ласково сказала мама. — Целуем тебя крепко. На выходных созвонимся.

— И я вас люблю. Спокойной ночи! — я сбросила вызов, чувствуя, как с души спал весь накопившийся за день груз усталости.

Поднялась с кровати, подошла к шкафу, чтобы достать пижаму. В этот момент дверь комнаты приоткрылась, и ввалились соседки.

— Всё, — простонала Даша, падая прямо в куртке на свою кровать и утыкаясь лицом в подушку. — Эта история меня убьет. Я никогда не zapomню все эти даты. Зачем вообще все это учить?

— Не ной, Даш, все через это проходят, и мы пройдем, — весело протороторила Света, закрывая за собой дверь и проходя в комнату. — Дань! Слушай, мы тут на кухне пили чай с девчонками, и они спрашивали про твою подругу. Из какой она группы?

— Она с моего потока, — я достала пижаму и повернулась к девчонкам. — Её зовут Марина. Марина Карантис. Мы с ней на ОПК познакомились.

Даша приподняла голову от подушки, её уставшие глаза удивленно моргнули.

— Карантис? Какая странная фамилия. Звучит как название какого-то редкого паразита или заболевания. Или как заклинание из Гарри Поттера.

— Типун тебе на язык, — рассмеялась я, качая головой.
— Это греческая фамилия.

— Ого, — присвистнула Света, усаживаясь на стул. — Гречанка, значит. Слушай, а она классная. Обычно богатые девочки, как она, нос воротят от нашего общежития, смотрят как на чумной барак. А Марина зашла, сушку с маком слопала, про дождь весело рассказала.

— Да, она замечательная, — подтвердила я, переодеваясь в пижаму.

Забралась под теплое одеяло, чувствуя, как приятная дремота начинает обволакивать моё тело. За окном продолжал убаюкивающе шуметь дождь. Я думала о Марине, о её строгом отце, о завтрашнем сложном просмотре у Зотова и о своей предстоящей новой вечерней смене в ресторане. И незаметно уснула.

Глава 3

— Граждане тунеядцы, минуточку внимания! — наш староста Илья, долговязый парень в очках, картинно взмахнул зачеткой, врываясь в лекционную аудиторию прямо перед началом пары по начертательной геометрии. — У меня для вас две новости. Как водится, хорошая и просто отличная.

Аудитория зашумела. Студенты оторвались от своих телефонов и чертежей, выжидаяюще уставившись на Илью.

— Начни с отличной, не томи! — крикнул кто-то с задних рядов.

— Зотов уехал на срочный симпозиум, пары не будет! — торжественно провозгласил староста. — А хорошая новость — следующая лекция по истории архитектуры начнется только через три часа, преподаватель задерживается. Так что у нас образовалось шикарное трехчасовое окно. Свободны!

Аудитория взорвалась восторженными криками. Ребята зашушукались, планируя поход в торговый центр, а я с облегчением вздохнула. Моя вечерняя смена в ресторане сегодня начиналась в пять вечера и должна была продлиться до самой полуночи. Ноги до сих пор помнили вчерашний изнурительный день, поэтому перспектива вернуться в общежитие, лечь на свою кровать и поспать хотя бы полтора часа казалась мне самым настоящим подарком судьбы.

Я начала быстро складывать в рюкзак карандаши, линейки и тетради, мысленно уже завернувшись в теплое одеяло.

— Даня, даже не думай! — над моим ухом раздался голос Марины. Она возникла передо мной словно из воздуха. — Я прямо по твоему лицу вижу, что ты собираешься совершить преступление против молодости и уйти в свою общагу.

— У меня сегодня тяжелая смена, я хочу просто полежать в тишине, — я застегнула рюкзак.

— Никаких «полежать»! — Марина упрямо надула губы. — Послушай, три часа! Это же уйма времени. Я у тебя в гостях уже была, с девчонками твоими познакомилась. Теперь твоя очередь. Поехали ко мне? Мы живем совсем недалеко. На машине минут пятнадцать, если без пробок.

— Марин, да зачем? — засомневалась я, глядя в окно, где ветер гнал по небу серые тучи. — Пока доедем...

— Ну пожалуйста! В холодильнике, правда, шаром пока-ти, кушать особо нечего, но мы можем по дороге заскочить в супермаркет и купить что-нибудь легкое. Или приготовим вместе что-нибудь быстрое. Времени-то уйма! Ну поехали, а? — заканючила подруга, хватая меня за рукав свитера и умильно складывая ладони на груди.

Я посмотрела на её просящее, детское лицо, потом на хмурый пейзаж за окном и вздохнула с поражением. Против ее обаяния устоять было практически невозможно. Да и, честно говоря, мне самой было любопытно взглянуть на то, как живет успешный архитектор.

— Ладно, — сдалась я, закидывая рюкзак на плечо. — Но с одним условием: сделаем нормальный обед.

— Супер! Я за любую движуху! — Марина победно вскинула руки вверх, вызывая улыбки у проходящих мимо однокурсников.

Мы быстро добежали до её машины, и плавно устремились в сторону Тучкова моста.

За окном проплывали фасады Петроградской стороны. Дождь методично стучал по крыше машины, создавая расслабляющий фон. Мы быстро заскочили в небольшой супермаркет, где я выбрала куриное филе, свежие сливки, пармезан, немного черри и свежий шпинат. Марина в это время с интересом рассматривала полки с экзотическими соусами, периодически закидывала в корзину какие-то сладости.

Минут через десять мы уже припарковались у красивого дома конца девятнадцатого века. Здание было украшено лепниной, эркерами и коваными решетками балконов. Парадная внутри дома больше напомнила мне музей: широкая мраморная лестница с резными перилами, остатки старинного камина в вестибюле и огромные зеркала в золоченых рамах.

— Мы живем на третьем этаже, — Марина нажала кнопку вызова старинного лифта в кованой шахте. — Папа выкупил эту квартиру несколько лет назад. Она была в ужасном состоянии, типичная коммуналка со множеством перегородок. И полностью всё перепланировал.

Когда дверь квартиры открылась, я застыла у порога с открытым ртом. Как будущий архитектор, просто не могла не восхититься работой.

Это была просторная квартира с потолками высотой под четыре метра. Историческая лепнина была отреставрирована, а оригинальный паркет «елочкой» - восстановлен, но при этом в интерьере были и элементы современности. В дизайне преобладала энергетика самого хозяина квартиры — брутальность и минимализм. Стены, выкрашенные в сложный глубокий серый цвет, мебель из темного дерева, матовой стали и латуни - все выглядело невероятно стильно и дорого.

Из огромного коридора двери вели в несколько помещений. Гостиная поражала своими масштабами и огромным эркером, из которого открывался вид на переулок.

— Боже, Марин, как тут красиво, — я прошла по паркету. — То, как твой отец соединил классический модерн с современным минимализмом... Это просто невероятно.

— Папа очень долго возился с этим проектом, — улыбнулась Марина, вешая мою куртку в скрытый гардеробный шкаф. — Он сам контролировал каждого строителя, заставлял переделывать шпаклевку по три раза, если видел хоть малейшую неровность. Пойдем на кухню, она у нас совмещена со столовой. Давай сначала готовкой займемся, потом я тебе всю квартиру покажу, а то время летит.

Кухня оказалась верхом технологичности. Матовые черные фасады без ручек гармонично сочетались со столешни-

цей из натурального камня и встроенной техникой из нержавеющей стали. Всё было чистым и аккуратным. Ни одной лишней детали, ни одной пылинки.

— Так, командуй! — Марина энергично потерла ладони, выкладывая пакеты с продуктами на остров. — Что мы делаем в первую очередь?

— В первую очередь мы ставим воду для пасты, — закатала я рукава свитера. — Нарезай черри пополам, а шпинат просто промой и просуши. А на мне курица и соус.

На кухне мгновенно закипела жизнь. Я поставила на индукционную плиту кастрюлю, а сама принялась нарезать филе на ровные кубики. На сковороде уже аппетитно шкворчало оливковое масло с раздавленным зубчиком чеснока, наполняя квартиру умопомрачительным ароматом.

Воздух быстро наполнился паром от закипающей воды. Мои каштановые волосы начали липнуть к шее и лицу, мешая работать, и я, недолго думая, собрала верхнюю часть волос на затылке, заколов их первой попавшейся под руку заколкой Марины, которую та оставила на столешнице.

Сама Марина увлеченно резала черри, забавно напевая под нос какую-то популярную песенку, пока я помешивала мясо, вливая в сковороду сливки и всыпая пармезан. И вдруг в коридоре раздался щелчок открывающейся входной двери.

Я даже не успела среагировать, как из прихожей донеслись мужские шаги. Марина замерла с ножом в руке и с округленными глазами.

— Ой... Папа наверно... Так рано...

Я продолжила машинально помешивать сливочный соус деревянной лопаткой и медленно повернулась лицом к выходу из кухни.

На пороге стоял мужчина.

Он был высоким, широкоплечим, в безупречно сидящем костюме, который подчеркивал его крепкую, мужественную фигуру. Темные, слегка волнистые волосы были аккуратно подстрижены, а на волевом лице с жестким подбородком проступала легкая щетина. Его взгляд был направлен в сторону Марины.

— Что-то ты рано сегодня, Марин.

Я набрала в легкие воздух, собираясь вежливо поздороваться, но слова от смущения застряли у меня в горле. Отец Марины сделал шаг внутрь кухни, поворачивая голову в мою сторону и... застыл. Будто наткнулся на невидимую преграду.

Его лицо за долю секунды потеряло все краски, став бледным. Он буквально впился в меня своими черными глазами, и я почувствовала себя некомфортно от его присутствия.

Марина вскочила со стула и прыгнула в его объятия со словами:

— У нас окно, поэтому мы свободны на пару часов. Решили вместе с Даной покушать. Познакомься, пап. Это моя Дана.

В кухонной тишине было слышно только то, как тихо булькает сливочный соус на плите.

Он пристально посмотрел на мою шею, затем на волосы, собранные на макушке, на пальцы, сжимающие деревянную лопатку. Его грудь тяжело вздымалась, словно ему не хватало воздуха. Это длилось всего несколько секунд, но мне показалось, что время остановилось вовсе. Реальность вокруг меня словно затрещала по швам под давлением этого взгляда.

— Пап? — испуганно позвала Марина, переводя взгляд с отца на меня. — Ау.

Янис резко дернул головой, сбрасывая наваждение. Вся его минутная слабость исчезла без следа, уступив место строгости. Он посмотрел на свою дочь. И заговорил жестким голосом:

— Надеюсь, не прогуливаете?

— Пап, ну какое прогуливаем! — Марина забрала портфель у него из рук и повесила его на крючок в коридоре. — Зотов улетел на свой важный симпозиум. Нам подарили целых три часа свободы. И Дана спасла меня от голодной смерти, решив приготовить со мной обед. Ты ведь сам вечно твердишь, что я питаюсь одной химией.

Он сделал глубокий вдох, словно пытаясь взять свои эмо-

ции под жесткий контроль, и подошел ближе к кухонному острову. Я кожей чувствовала исходящее от него напряжение.

— Янис Дмитриевич, — его бархатистый баритон прошил меня насквозь. Он протянул мне большую, теплую ладонь. — Извините меня за мою бестактность. Слишком тяжелый день на объекте, не ожидал увидеть гостей.

— Дана, — негромко ответила я, несмело протягивая руку в ответ.

Его пальцы обхватили мою ладонь. Хватка была крепкой, но не давящей. В момент нашего рукопожатия его взгляд снова скользнул по моему лицу — медленно, изучающе, задерживаясь на моих глазах так долго, что мне захотелось отступить на шаг назад. Он словно просвечивал меня как рентген, выискивая что-то глубоко внутри моей души. Я почувствовала себя уязвимой, почти обнаженной.

— Очень приятно, Дана, — наконец отпустил он мою руку. — Марина много рассказывала о вас. Говорит, что вы спасаете её от начертательной геометрии.

— Скорее, мы помогаем друг другу, — я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно, хотя сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Повернулась обратно к плите, чтобы перерешиться на что-то и скрыть свое смущение. — Марина отлично разбирается в истории искусств, а у меня с ней небольшие трудности.

— Взаимовыручка — это хорошая база для фундамента

отношений, — краем глаза я заметила, как он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. — Пахнет очень вкусно. Что у нас на обед?

— Паста со сливками, курицей и шпинатом, — весело отозвалась Марина, которая явно расслабилась, видя, что отец сменил гнев на милость. — Пап, ты, наверное, тоже не обедал? Покушаешь с нами?

Янис на секунду задумался, бросил взгляд на свои наручные часы, как будто просчитывая что-то в уме.

— Пожалуй, составлю вам компанию, — выдвинул высокий стул и присел у острова. — Владимир взял на себя переговоры, которые должны были быть через час, так что у меня есть немного времени.

Марина просияла и подошла к шкафу за тарелками.

Я аккуратно выключила плиту. Мои руки слегка затряслись, когда я взяла щипцы для пасты. Все это время я чувствовала на себе неотрывный взгляд черных глаз. Янис сидел прямо напротив меня, облокотившись локтями о столешницу. Смотрел, как я раскладываю спагетти по тарелкам, как капаю сверху соусом, посыпаю блюдо тертым пармезаном. В его глазах не было пошлости или банального мужского интереса к молодой девушке — там было что-то неизвестное и от того пугающее.

Мне было очень неудобно. Хотелось немедленно распустить волосы, чтобы закрыть шею.

— Держи, папочка, — Марина поставила перед ним тарелку и положила вилку. — Приятного аппетита! Даня, тоже садись, не стесняйся.

Я села на стул рядом с Мариной, стараясь держать спину ровно.

— Очень вкусно, — негромко похвалил Янис. — Если в архитектуре не сложится, можно смело идти в повара.

— Спасибо, — тихо ответила я, уткнувшись взглядом в свою тарелку. — Рада, что вам понравилось.

— Папа, а Дана ведь из другого города приехала! — увлеченно начала рассказывать Марина, наматывая спагетти на вилку. — Из Верети. Представляешь, она поступила на бюджет сама! И работает в ресторане через дорогу от нашей Академии, чтобы самой себя обеспечивать.

Янис отложил вилку.

— Вереть... Знаю этот город. Там раньше был неплохой завод металлоконструкций. Ваша семья связана со строительством, Дана?

— Не совсем, — я подняла голову, снова встречаясь с его темными глазами. — Мой отец автомеханик. Он совладелец небольшой автомастерской. А мама — старшая медсестра.

— Хороший механик понимает сопромат и кинематику лучше многих теоретиков с дипломами, — одобрительно кивнул Янис, и в его голосе послышалось уважение.

— Да, так и есть, — улыбнулась я, чувствуя, как напря-

жение между нами начинает понемногу таять под влиянием этого спокойного разговора. — Отец еще всегда говорил, что в технике, как и в жизни, нет места «авось». Ошибка на миллиметр в зазоре — и вся система выйдет из строя.

— Ваш отец очень мудрый человек, — я увидела, как в его зрачках отражаются крошечные золотистые искорки от потолочной лампы, свисающей над нами. — В архитектуре этот закон работает жестче всего. Мы не имеем права на ошибку на бумаге, потому что за нашими ошибками стоят жизни людей. Приятно видеть, что современное поколение студентов понимает это. Правда Марина, к сожалению, иногда слишком легкомысленно относится к расчетам.

— Пап! Да брось! Это неправда, — шутливо запротестовала Марина.

Я продолжила смущенно улыбаться, усердно изучая узор на своей тарелке. Янис расспрашивал меня о Верети, о моих впечатлениях от Петербурга. Он показался интересным собеседником. Говорил об архитектуре не как о сухих цифрах и бетоне, а как о живом организме, который дышит, развивается и взаимодействует с человеком. В его словах чувствовалась любовь к своему делу, и я сама не заметила, как начала ловить каждое его слово.

Но при этом постоянно атыкалась на его вдумчивый взгляд. Он увлеченно рассказывал, и при этом так же увлеченно слушал меня. Словно мой голос был единственным звуком во всей вселенной.

В один момент Марина вскочила со стула, прерывая отца:

— Через полчаса начинается лекция по истории архитектуры, — испуганно воскликнула она. — Нам похоже уже надо выдвигаться!

Легкая паника вернула и меня в реальность.

— Да, нам пора бежать. Спасибо за обед, Марина. Янис Дмитриевич, спасибо за гостеприимство.

Янис поднялся за нами вслед, застегивая пуговицу пиджака.

— Спасибо вам за прекрасный обед, Дана, — его голос прозвучал мягко, но с затаенной грустью. — Марина, води машину аккуратно, на дорогах скользко из-за дождя.

— Обещаю быть паинькой за рулем, пап! — Марина чмокнула его в щеку. — Всё, мы убежали!

Я накинула в прихожей свою куртку и закинула рюкзак на плечо. Когда мы уже стояли у двери, обернулась. Янис Дмитриевич стоял в проеме гостиной, сложив руки в карманах брюк. Он все так же смотрел на меня. Я вежливо кивнула ему на прощание, и мы с Мариной выскочили в парадную, быстро спускаясь по лестнице. Пробежали под проливным дождем к машине Марины.

— Фух, успеваем! — выдохнула Марина, уверенно маневрируя в потоке машин.

— Да уж, засиделись, я даже не заметила как пролетело время, — проговорила я, глядя, как дворники смахивают капли с лобового стекла. Зябка повела плечами, чувствуя, как по коже пробегают мелкие мурашки. Этот мужчина... он оставил во мне непривычное будоражащее послевкусие.

Глава 4

Проектор в лекционном зале тихо щелкнул, и огромный экран, на котором только что красовался купол флорентийского собора Санта-Мария-дель-Фьоре, медленно погас. В аудитории мгновенно зажегся тусклый свет. По рядам пронёсся вздох облегчения десятков студентов — лекция по истории архитектуры Возрождения наконец подошла к концу.

— На сегодня всё, господа будущие зодчие, — монотонный голос профессора потонул в шуршании тетрадей и молний рюкзаков. — Свободны.

Я лениво потянулась, чувствуя, как затекли плечи от долгого сидения в неудобной деревянной скамейке. В голове до сих пор крутились слова из лекции, переплетаясь с мыслями о предстоящей рабочей смене в ресторане.

— Боже, у меня ощущение, что этот купол Брунеллески раздавил мои последние выжившие мозговые клетки, — Марина сползла по спинке сиденья, смешно закинув голову назад и глядя в высокий потолок. — Дань, скажи мне честно, зачем нам знать, как в пятнадцатом веке укладывали кирпичи «в елочку» без деревянных кружал?

— Чтобы твои современные здания не развалились при первом же порыве ветра. Великие учились у природы и геометрии, а нам приходится учиться у них. Собирайся давай, а то нас сейчас здесь закроют.

Мы медленно пошли к выходу из аудитории, вливаясь в общий поток уставших студентов.

На улице уже совсем стемнело. Фонари горели желтым светом, отражаясь в зеркальных лужах на асфальте. Набережная Невы была окутана легким туманом, из-за которого очертания мостов казались размытыми.

Мы спустились по лестнице Академии и вышли на крыльцо. Ветер тут же попытался забраться мне под куртку. Марина остановилась у массивной колонны, кутаясь в свой плащ, и повернулась ко мне.

— Слушай. Я тут подумала... Нам обязательно нужно как-нибудь повторить нашу сегодняшнюю посиделку. Только уже по-нормальному, без спешки.

Я удивленно посмотрела на неё, поправляя лямку тяжелого рюкзака.

— По-нормальному — это как?

— Ну... может, приедешь ко мне как-нибудь с ночевкой? — Марина восторженно подалась вперед. — Представляешь, как будет круто! Мы купим кучу всяких вкусняшек, закажем пиццу, закроемся в моей комнате, будем сплетничать, смотреть кино до поздней ночи. С папой ты, считай, уже познакомилась, так что стесняться некого. Больше обитателей в нашей квартире всё равно нет, мы там только вдвоем живем.

В памяти мгновенно всплыл образ Яниса Дмитриевича.

— Удивительно, кстати, что он вообще сегодня обедать

с нами остался, — продолжила подруга, весело шагая рядом со мной по мокрому тротуару в сторону парковки. — Он днем дома редко ест. Вечно носится по встречам, объектам, перекусывает на бегу какими-то салатами или деловыми обедами. А тут... просто сел за стол. Даже уговаривать не пришлось. И, знаешь, он так внимательно тебя слушал! Мой папа очень круто считает людей, и то, что он так открыто общался с тобой - это очень хороший знак.

Щеки предательски обдало легким жаром. Чтобы скрыть смущение, я посильнее натянула на лоб вязаную шапку.

— Марин, ну ты же понимаешь, что я по вечерам часто работаю, — ответила, глядя под ноги. — У меня в ресторане жесткий график, особенно сейчас, когда нас перевели на постоянное расписание. А в те дни, когда я не работаю, приходится заниматься домашкой... Не могу ничего обещать, прости.

— Ну Даня... Всего одну ночь! Неужели ты не сможешь выделить один вечер для подруги?

— Идея, конечно, очень прикольная, — честно призналась. — Спасибо тебе огромное, что предложила. Мне правда очень приятно.

Марина вздохнула, но упрямый блеск в её глазах никуда не делся. Она явно не собиралась так легко сдаваться.

— Ладно, я тебя поняла. Но мы сделаем по-другому! Нам просто нужно определить этот день заранее. Спланировать всё до мелочей, чтобы у тебя не было работы в этот вечер, чтобы все чертежи были сданы, а хвосты подчищены. Мы выберем какую-нибудь пятницу или субботу, когда на следующий день нет ранних пар. Договорились?

Я посмотрела на неё — такую искреннюю, настойчивую и уже почти родную. За этот короткий месяц Марина стала для меня действительно близким человеком. И её желание впустить меня в свою жизнь, в свой дом, делиться со мной личным пространством тронуло меня до глубины души.

— Хорошо, Карантис, — сдалась под её напором. — Договорились. Давай спланируем это заранее. Как только разгребем первые зачеты по начерталке, выберем день.

— Супер! — Марина победно подпрыгнула на месте, едва не выронив ключи от машины. — Вот увидишь, это будет самый лучший девичник в истории архитектурного факультета! Я составлю список фильмов, которые мы обязаны посмотреть. И папу предупрежу.

Мы дошли до её машины. Марина перед тем, как сесть, крепко обняла меня на прощание. От неё пахло привычным для меня ароматом, который теперь стойко ассоциировался у меня с дружбой и надежностью.

— Всё, Данечка, беги на свою работу, — ласково сказала она, отстраняясь. — И не перетруждайся там слишком сильно.

— Хорошо, постараюсь выжить, — рассмеялась я. — То же будь аккуратна.

— Обещаю ехать как пенсионер! — весело салютовала мне рукой, скользнула на водительское сиденье и завела двигатель.

Машина мигнула на прощание красными габаритами. Я постояла на тротуаре еще пару секунд, глядя ей вслед, а затем поторопилась в сторону своего ресторана. Впереди меня ждали длинная смена на ногах, подносы и капризные клиенты.

Перейдя дорогу, толкнула дверь ресторана. И меня тут же окутал шумный мир: звяканье столовых приборов, гул голосов посетителей, негромкая музыка из динамиков и аппетитные запахи с кухни. Прошла в подвальное помещение, где находилась наша раздевалка. Сменила джинсы и свитер на черные форменные брюки и фартук с глубокими карманами, сложила туда блокнот и ручку. Перед зеркалом на секунду замялась, глядя на свои растрепанные волосы. Пальцы сами потянулись к шпилькам, чтобы снова собрать их в свободный узел на затылке.

Я задержала свой взгляд на шее, прямо у линии роста волос. Кожа словно до сих пор хранила фантомное ощущение прожигающего взгляда Яниса Дмитриевича.

— Так, Барышева, соберись, — приказала я своему отражению. Надо отработать смену, а в общежитии меня ждет любимая кровать.

Поднявшись в зал, сразу попала в самый эпицентр вечернего наплыва гостей. Пятница давала о себе знать — практически все столики были заняты. Люди расслаблялись после рабочей недели, заказывали вино, громко смеялись и требовали повышенного внимания. Я крутилась как белка в колесе. Принять заказ у седьмого столика, принести счет на девятый, убрать грязную посуду с четвертого... Мои ноги двигались на автопилоте, руки уверенно держали тяжелый поднос, но мысли... упрямо, словно намагниченные, возвращались назад, в просторную квартиру Карантисов.

Перед глазами то и дело вставал образ ее хозяина. Я снова и снова прокручивала в голове его реакцию на мое появление. Этот его взгляд во время обеда... Почему он так остолбенел прямо у входа? Почему смотрел на меня так? Может мне вообще показалось? Может он со всеми незнакомыми людям так себя ведет? Сканирует, на предмет безопасности, я ведь с его дочкой много общаюсь. *«Я просто слишком впечатлительная, — уговорила себя, принимая заказ на десерты у семейной пары. — Мужчина просто устал на стройке, пришел домой, а там чужой человек. Вот он и разозлился сначала, а потом вел себя просто вежливо, как и подобает хозяину дома. А я уже напридумывала себе бог весть что».*

Около восьми вечера на раздаче шеф-повар выставил мой заказ для столика номер шесть: две порции черничного чизкейка. Затем я подошла к барной стойке за напитками. Аккуратно поставила чашки на круглый металлический поднос,

добавила десерты и подняла его на уровень плеча.

— Осторожнее, горячо, — напутствовал Костя, на что я рассеянно кивнула, уже разворачиваясь в сторону зала. Прошла между рядами столиков, плавно маневрируя между спинками стульев. И слишком поздно заметила, что один из гостей за четвертым столиком резко отодвинул свой стул назад, намереваясь встать. Пытаясь уклониться от столкновения, я сделала резкий шаг в сторону и... со всего маху врезалась бедром в острый угол другого стола.

Удар был сильным и болезненным. Равновесие мгновенно полетело к чертям. Поднос в моих руках опасно наклонился. Я ооочень пыталась удержать его, но физика — наука беспощадная. Раздался оглушительный, дребезжащий звон. Фарфоровые чашки вместе с горячим кофе и десертами полетели на пол. Темная жидкость брызнула во все стороны, пачкая светлые брюки какого-то мужчины за соседним столом и подол моего собственного фартука. Чизкейки размазались по полу.

По залу ресторана мгновенно распространилась гробовая тишина. Десятки пар глаз уставились на меня.

— Черт! — не сдержавшись выругалась я. Лицо окрасилось пунцовой краской жгучего стыда.

Я опустилась на колени, пытаясь голыми руками собрать крупные осколки фарфора, пока они не разлетелись под ноги гостям. Пальцы обожгло горячим кофе, но я почти не почувствовала боли, сгорая от унижения.

— Извините, пожалуйста! Простите, ради бога, сейчас всё уберем! — пролепетала я, не поднимая головы.

— Дана!

Голос управляющей Аллы прозвучал над головой.

— Встань, — скомандовала она. — Костя, позови уборщицу с сухой шваброй. Быстро.

Я поднялась, прижимая к груди пустой поднос. Фартук был испачкан бурыми пятнами кофе, руки дрожали.

— Алла Викторовна, извините, я случайно... мужчина отодвинул стул...

— Пройди в мой кабинет, как отпустишь свои столы, — прервала она меня, даже не дослушав.

В подсобке я стащила грязный фартук, швырнула его в корзину для грязного белья и подошла к раковине. Включила холодную воду и долго держала под ней обожженные пальцы, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. Затем надела чистый фартук, заново перетянула волосы в хвост и вышла в зал.

Через час я рассчитала последнего гостя с моей зоны, а новых гостей попросила встречать Риту. Она сегодня обслуживала соседние столики. Сама понуро поплелась в крошечный кабинет администратора. Алла сидела за своим столом, и как только я вошла, сложила руки на груди и посмотрела на меня самым недовольным взглядом из всего арсенала.

— Что с тобой сегодня происходит? Ты работаешь у нас второй месяц, и до сегодняшнего дня к тебе не было ни одной претензии. Была собранной, шустрой, вежливой. А сего-

дня летаешь в облаках. Сначала перепутала заказ у седьмого столика, теперь разбила посуду на глазах у всего зала и гостя испачкала. Ты понимаешь, что это репутация заведения?

— Да, Алла Викторовна, я понимаю, — тихо ответила я, глядя в пол. — Простите, пожалуйста. Это больше не повторится.

— Очень на это надеюсь, — её тон стал чуть мягче. — Стоимость разбитой посуды и испорченных десертов я спишу из твоих чаевых за эту неделю.

— Да, хорошо, — тихо сказала я и убралась из кабинета. *«Дура ты, Барышева. Идиотка провинциальная. Из-за какого-то мужика, которого видела один раз в жизни, чуть работу не потеряла!»*

У барной стойки меня перехватил Костик. Протянул мне стакан холодной воды с лимоном и сочувственно улыбнулся.

— На, выпей, Архимед. Алла Викторовна сегодня не в духе, под горячую руку ей попалась. Ты как, цела? Пальцы не порезала?

— Цела, — благодарно приняла стакан и сделала несколько жадных глотков. — Спасибо, Кость. Сама виновата, отвлеклась.

— Да, заметил, — хитро прищурился Костик, протирая бокал полотенцем. — Ты сегодня весь вечер какая-то дерганая. Колись, кто виновник?

— Не выдумывай, — устало отмахнулась, ставя пустой стакан на стойку. — У меня зачет по ОПК на носу и чертежи недоделанные. Просто не выспалась, голова кругом идет.

— Ну-ну. Смотри мне. Если этот «чертеж» будет мешать работе, я сам с ним разберусь. Беги давай, у тебя там на третьем столике люди меню ждут.

Остаток смены прошел как в тумане. Я заставила себя отключить все мысли и эмоции, превратившись в бездушного робота. Четко фиксировала заказы, идеально вежливо общалась с гостями и контролировала каждое свое движение, обходя злополучный четвертый столик по максимально широкой дуге.

Когда часы на стене наконец показали полночь, и последний на сегодня гость покинул зал, я едва не расплакалась от облегчения. Ресторан закрылся. Моё тело ломило от дикой усталости. Каждая мышца протестовала против любого движения, а ноги гудели так, словно их налили жидким металлом. Рюкзак за спиной казался неподъемным мешком с камнями.

Выйдя на улицу, я начала просто переставлять ноги, мечтая только об одном — доползти до кровати и отключиться.

Тихо миновав вахту, где тетя Валя уже мирно дремала под тихий бубнеж маленького телевизора, поднялась на свой этаж. В коридоре было тихо и темно. Аккуратно, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь комнаты. Девчонки уже спали.

На ощупь, в полной темноте, стянула с себя одежду, натянула теплую пижаму и буквально рухнула на свою кровать, чувствуя, как матрас принимает моё измученное тело.

Уткнувшись лицом в прохладную подушку, закрыла глаза. Мое тело мгновенно начало проваливаться в сон. Но прямо перед тем, как окончательно утuhnуть, в моей голове четко сформировалась одна единственная мысль.

«Весь вечер полетел кувыркoм из-за этого дневного визита. Поэтому в гости к Карантисам больше ни ногой».

Глава 5

Вместе с осенними холодами на наш курс лавиной обрушилась подготовка к первым промежуточным зачетам. Романтика студенческой жизни мгновенно испарилась. Академические коридоры теперь напоминали муравейники, где замученные студенты носились с тубусами и заляпанными тушью чертежами наперевес, дочерчивая эшюры прямо на подоконниках.

Солнце окончательно превратилось в мифического персонажа, изредка подмигивающего сквозь тучи. Листья в парках превратились в мокрое скользкое месиво под ногами, а серое небо уныло висело прямо над зданиями, грозя раздавить город.

Для меня этот период превратился в настоящее испытание нагрузкой на прочность: подъем в семь утра, пары до двух дня, короткий перерыв на то, чтобы добежать до общежития, перекусить и сделать хотя бы часть набросков, а с пяти вечера и до полуночи — тяжелая смена на ногах в ресторане.

Я начала засыпать моментами прямо за чертежным столом. Спина болела от многочасового сидения в согнутом положении, а глаза резало от сухости под тусклым светом настольной лампы.

После очередной смены я осознала и приняла тот факт,

что просто адски устала и уже не вывожу такой ритм. Стоя в пустой раздевалке ресторана, тупо глядя на свои припухшие и гудящие от боли стопы, понимала, что если не изменю этот сумасшедший график, то либо завалю первую же сессию, либо просто упаду в обморок прямо с подносом в руках на глазах у посетителей. На руку было то, что октябрь уже подходил к концу, и можно было попробовать повлиять на ноябрьское расписание. *«Здоровье дороже денег и диплома»*— мысленно повторила я слова отца. Ведь он был чертовски прав.

Собрав волю в кулак, поднялась по лестнице в зал и тихо постучала в полуприоткрытую дверь кабинета управляющей. Алла сидела за своим столом, изучая что-то на экране ноутбука. Её идеальная укладка и строгий деловой костюм даже в первом часу ночи выглядели безупречно. Мда, на ее фоне я была изрядно потрепанной.

— Извините, пожалуйста, за поздний визит, — несмело прошла в кабинет. — Хотела поговорить с вами по поводу моего графика. Со следующей недели нагрузка в Академии сильно возрастает. У нас начинаются промежуточные зачеты, просмотры по проектированию... Я чувствую, что просто физически не могу выходить на пять смен в неделю. Могу я сократить количество рабочих дней? Хотя бы до двух-трех в будние дни. Но при этом, например, брать один полный день в субботу или воскресенье.

Алла внимательно выслушала, еще минутку помолчала, а

затем моргнула глазами как бы в знак согласия:

— Ты хорошая работница, елси не считать один единственный инцидент с разбитыми чашками. Что ж, со всеми бывает. Поэтому, хорошо. Перепишу твой график на ноябрь. Можешь выходить по четвергам с пяти, и в воскресенье на полный день. Но во время зимних каникул жду тебя на полные смены. Устроит?

Волна облегчения растеклась по телу.

— Да, конечно! Спасибо вам огромное! Вы меня просто спасаете, честное слово, — искренне заулыбалась я, готовая расцеловать нашу суровую управляющую.

— Но это не отменяет того, что при необходимости ребят надо будет иногда подменять, потому что нагрузка на других официантов возрастает, — добавила она, возвращаясь к своему монитору. — Всё, иди домой. И выпишись наконец, на тебя смотреть больно — краше в гроб кладут.

Выйдя из ресторана, я почувствовала себя легкой и воодушевленной. Проблема с режимом была решена, впереди были выходные, и я могла наконец-то вздохнуть полной грудью.

Первое ноябрьское субботнее утро встретило нас на удивление сухой, хоть и прохладной погодой. Мы с Мариной встретились у Академии после короткой утренней консультации.

— Даня! Наконец-то выходные! — Марина весело закружилась на месте прямо на тротуаре. — Мы свободны до понедельника! Поехали в торговый центр?

Я позавидовала её брызжущей через край энергии. После того, как я сократила количество смен в ресторане, у меня тоже наконец-то появились силы просто жить и радоваться общению с подругой.

— Ладно, поехали. Мне надо купить пару хороших карандашей и плотный ватман для финального проекта по графике.

— Отлично! Наш пункт назначения — «Галерея» на Восстания! — Марина схватила меня за руку и потащила к своей машине.

Через полчаса мы уже влились в шумную толпу огромного торгового центра. После серых улиц и коридоров Академии здесь всё казалось ярким и суетливым. Пестрящие витрины дорогих бутиков, ароматы из парфюмерных магазинов, сотен голосов вокруг и музыка — торговый центр жил своей собственной жизнью.

Марина вела меня за собой, уверенно ориентируясь в этом лабиринте. Она затаскивала меня в магазины одежды, заставляя примерять то одно, то другое.

— О, смотри! Этот свитер просто создан для твоих каштановых волос! — восторженно щебетала она, прикладывая ко мне вещь из нежнейшего кашемира. — А эти джинсы? Они так круто подчеркнут твою фигуру! У тебя же идеальные бедра, почему ты вечно прячешь их под этими огромными балахонами?

— Потому что в балахонах удобно, — посмеялась я, ак-

куратно возвращая свитер на вешалку после того, как мельком увидела ценник. Сумма на маленькой картонке равнялась моей половине месячной зарплаты в ресторане. — И вообще, мы пришли сюда искать вещи для тебя, а не устраивать мне модный приговор.

— Ладно-ладно, зануда. Но мы к этому разговору еще вернемся. А сейчас — внимание! Наша главная цель на сегодня. Мне нужно идеальное платье.

— Платье? — удивилась я, следуя за ней в очередной бутик с вечерними нарядами. — Для какого-то особого случая?

— Ты что, проспала все новости на потоке? — подруга удивленно обернулась ко мне, забавно округлив глаза. — В конце ноября у нашего факультета Осенний бал! Это же традиция. Там соберутся все курсы, будут выступления, танцы... Ожидается крутое мероприятие. Так что мне нужно просто сногшибательное платье! Я уже даже у папы отпросилась.

При упоминании её отца моё сердце екнуло. Я заставила себя зажмуриться, прогоняя наваждение. Блин, думала, что все забылось уже, но, видимо, нет еще...

— Осенний бал... — протянула я, разглядывая шелковые и кружевные наряды на вешалках. — Звучит очень красиво.

— Да! И ты обязательно пойдешь со мной! — Марина возбужденно схватила меня за плечи, заглядывая в глаза. — Представляешь, как мы зажжем! Наденем самые красивые

платья, сделаем прически... Даня, скажи, что ты пойдешь!
Я мягко отстранила.

— Ну какой бал? Ты же знаешь, у меня работа, учеба, куча чертежей... Мне совсем не до балов. Да и, честно говоря, мне это не особо интересно. Все эти мероприятия, платья... Это совсем не мой мир. Я буду чувствовать себя там чужой, как белая ворона.

— Ну Данечка! Ну пожалуйста! — Марина умоляюще сложила ладони на груди, её нижняя губа забавно задрожала. — Без тебя мне там будет скучно. Ну ради меня!

Я вздохнула, понимая, что если сейчас начну категорически отказываться, Марина устроит мне часовую сцену с угрозами прямо посреди торгового центра. Проще было пообещать подумать, чтобы она на время хотя бы отстала.

— Ладно, — примирительно улыбнулась я. — Давай сначала разберемся с твоим платьем, а про бал я еще подумаю. Время ведь еще есть, целый месяц впереди!

— Точно, но лучше с этим не затягивать! — она просияла, мгновенно переключаясь на вешалки с нарядами. — Так, смотрим... Как тебе это нежно-голубое? Или, может, классическое черное с открытой спиной?

Следующий час превратился в дефиле. Марина примеряла одно платье за другим, крутясь перед огромными зеркалами примерочной, а я выступала в роли строгого и честного критика. Ей очень шли пастельные тона — в них её хрупкая,

точечная фигурка казалась совсем невесомой, а темные глаза казались еще ярче.

— Вот это, — вынесла я свой вердикт, когда Марина вышла в невероятно элегантном платье цвета слоновой кости. Наряд идеально подчеркивал её тонкую талию и острые плечи, не перегружая образ лишней вычурностью. — Сто процентов.

Она посмотрела на себя в зеркало и покрутилась пару раз.

— Да? Тебе правда нравится? Мне тоже кажется, что оно идеальное. Всё, беру его!

Пока Марина переодевалась обратно в свои джинсы, я посмотрела на праздничную одежду вокруг и поняла, насколько глубокая пропасть разделяет наши интересы. И я приняла это без зависти и злости. Просто как факт.

После удачной покупки мы потащились на самый верхний этаж торгового центра, в небольшое уютное кафе. Устроились за столиком у самого окна. За стеклом шумел вечерний город, сверкали огни фар застрявших в пробках машин, внутри было спокойно.

— Какое же это блаженство — просто сидеть, пить кофе и ни о чем не думать, — протянула она. — Спасибо, что поехала со мной. Без тебя я бы точно купила что-нибудь с куцей стразами и выглядела бы как новогодняя елка.

— Всегда рада спасти тебя от пагубного влияния гламура, Карантис, — рассмеялась я, делая глоток крепкого черного

чая с лимоном.

Марина подперла щеку кулаком, и посмотрела на меня с хитрым выражением лица. Такой взгляд у нее обычно появлялся перед тем, как она собиралась втянуть нас в очередную авантюру.

— Ты ведь еще не слышала последнюю новость из деканата? Староста Илья сегодня утром по секрету проболтался, пока мы ждали консультацию.

— Какую еще новость? — я приподняла бровь, внутренне напрягаясь. — Зотов решил устроить нам внеплановый коллоквиум?

— Хуже, Даня. Гораздо хуже и... намного интереснее! — восторженно подалась вперед, понизив голос. — Вроде как на следующей неделе, сразу после зачета по начерталке, выдают первый совместный курсовой проект на наши с тобой направления — АРХ (прим. Архитектура) и ДАС (прим. Дизайн архитектурной среды) объединяют в пары на целых полтора месяца! Будем проектировать какой-то городской павильон с благоустройством. Давай сразу забьем друг друга в соавторы, пока нас насильно с какими-нибудь бездельниками не распределили?

Я замерла с чашкой чая у самого рта.

— Это же огромный объем работы, — медленно повторила я, ставя чашку на стол. — На полтора месяца?

— Именно! — Маринка энергично закивала головой, её глаза горели детским восторгом. — Работы будет просто вы-

ше крыши. Спать мы не будем вообще, это я тебе гарантирую. Но самое главное! Илья сказал, что пары мы сможем выбрать себе сами, пока декан насильно не распределит по алфавитному списку. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Ты хочешь, чтобы мы работали вместе. Я уже поняла.

— Это же идеальный вариант! — подруга схватила меня за руку через стол. — Мы с тобой сработались идеально. Ты потрясающе считаешь конструкции, у тебя идеальная точность и логика, а у меня куча идей по интерьеру, цвету и подаче. Мы сделаем просто бомбический проект! Давай впишем себя в пару? Пожалуйста!

Ее азарт передался и мне. Работать с ней действительно было комфортно — у неё чувство стиля и цвета, а у меня — конструктивное мышление.

— Хорошо, — крепче сжала её ладонь в ответ. — Как только объявят проектную работу, идем в деканат и записываемся в пару.

Марина счастливо заулыбалась, откидываясь на спинку стула, как будто сорвала куш.

Глава 6

Староста Илья не соврал. В первый же понедельник на доске объявлений у деканата появился официальный приказ, мгновенно разделивший поток на ликующих счастливичков и тех, кто обреченно вздыхал, глядя на списки. Нам выдали первый междисциплинарный курсовой проект, объединивший направления «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды».

— Ну что, напарница, готова? — Марина весело толкнула меня локтем в бок, когда мы отходили от стенда с расписанием. — Зотов сегодня на вводной лекции сказал, что этот проект покажет, кто из нас действительно архитектор, а кто просто умеет ровно резать картон.

— Готова, но для начала нам нужно пережить первый этап. Клаузуру.

Клаузура в архитектурном вузе — это особое, ни на что не похожее испытание. Набросать общую концепцию объекта вслепую, без точных чертежей и детальных расчетов, всего за сутки. Тебе дают чистый лист ватмана, тему — и твой мозг должен выдать жизнеспособную идею здесь и сейчас. Никаких компьютеров и готовых шаблонов, только твоя фантазия, карандаш и логика. На этот блиц-штурм нам отвели ровно тридцать шесть часов.

Готовиться к Klausуре мы отправились в библиотеку Академии. Это место я обожала всей душой. Здесь время словно замирало. Мы заняли самый дальний стол у окна. Марина разложила кальку, мягкие карандаши и маркеры.

— Так, смотри, — она быстро набросала на прозрачной кальке несколько изогнутых линий. — Я вижу этот павильон как нечто легкое, почти невесомое. Конструкция из гнутого стекла и светлого дерева, которая словно парит над землей в окружении сосен. Внутри — открытый лекторий, мягкие зоны, много теплого света...

Я внимательно посмотрела на её эскиз, потирая подбородок.

— Звучит потрясающе, Марин. Но твоё парящее стекло рухнет при первом же серьезном питерском снегопаде. Несущие опоры слишком тонкие, а пролет кровли чересчур велик. Давай твою идею легкости мы сохраним, но оденем её в прочный металлический каркас. По центру пустим три основные железобетонные колонны, которые возьмут на себя всю нагрузку, а стеклянные витражи сделаем навесными.

Я забрала у неё карандаш и быстрыми, точными линиями прочертила жесткую конструктивную схему поверх её воздушного наброска. Просидели мы в библиотеке до самого закрытия, споря, стирая карандашные наброски до дыр в кальке и создавая десятки вариантов.

На следующий день зашли в аудиторию ОПК абсолютно уверенными в своих силах.

Зотов недолго изучал нашу клаузуру. И наконец одобрительно кивнул.

— Неплохая работа. На удивление зрелое решение для первокурсников. Утверждаю эскиз.

— Класс! — Марина восторженно пискнула, когда мы вышли из кабинета. — Первая победа!

Радоваться хорошей оценке за клаузуру нам пришлось недолго. Настоящий ад начинался сразу после этого, на этапе создания Эскизного проекта.

На то, чтобы превратить наш порыв фантазии в жизнеспособный концепт и утвердить его у кураторов двух разных кафедр, нам выделили две недели. И эти две недели превратились в непрекращающееся перетягивание каната, где мы с Мариной оказались в роли каната.

— Барышева, ну что за глухая стена в осях три-четыре? — Зотов безжалостно тыкал тупым концом карандаша в наш свежий эскизный чертеж. — Вы рассчитывали ветровую нагрузку на этот ваш стеклянный витраж? При таком шаге колонн стекло просто выдавит внутрь при первом же хорошем шторме. Нужна железобетонная диафрагма жесткости. Делайте стену глухой.

— Но если мы сделаем эту стену глухой, мы убьем всю концепцию внутреннего пространства! — тут же вступила в бой Марина. — Там по проекту ДАС должен быть сквозной

свет, раскрывающий вид на воду. Это же выставочный павильон, а не бункер противовоздушной обороны!

— Карантис, — Зотов сурово посмотрел на неё поверх очков. — Красивый бункер, который не рухнет на головы посетителей, гораздо лучше изящного стеклянного гроба. Переделывайте сопряжение конструкций. И покажите мне нормальную лестницу на второй уровень — у вас там уклон такой, что люди будут не подниматься, а совершать альпинистское восхождение.

С чертежом, безжалостно исчерканным красным карандашом Зотова, мы плелись на кафедру дизайна среды к нашей второй кураторше. Женщине утонченной, творческой и абсолютно презирающей «грубую строительную прозу».

— Девочки, ну что это за тяжесть? — Ирина Сергеевна безглаголиво морщила нос, разглядывая добавленные по требованию Зотова бетонные опоры. — Зачем здесь эти пилоны? Они же дробят пространство, превращая легкое origami в какую-то сталинскую сталинку. Убирайте этот бетон. Сделайте опоры тонкими, металлическими, пустите их по внешнему контуру. Нам нужен воздух! Больше стекла!

— Но если мы уберем пилоны, — мой правый глаз уже начинал дергаться, — у нас не встанет перекрытие второго этажа. Конструктор это не подпишет.

— Пусть ваш конструктор проявит творческую гибкость! — отмахивалась дизайнер. — Ищите компромисс. Архитектура — это искусство компромиссов.

Эти две недели мы с Мариной провели в состоянии шизофрении. Перечерчивали этот несчастный эскизный проект раз десять. Встречались в перерывах между парами, сидели на подоконниках в коридорах Академии, спорили до хрипоты в студенческом кафе и пытались угодить обоим преподавателям одновременно.

Мой новый график в ресторане хоть и давал мне возможность немного высыпаться, но совмещать его с этой бесконечной эскизной гонкой и другими домашними заданиями было безумно тяжело.

Марина, видя мою нарастающую бледность и синяки под глазами, переживала, но сделать ничего не могла — проект требовал присутствия обеих. Мы должны были сдать идеально выверенный эскиз, подписанный обоими кураторами, к двадцатым числам ноября. Только после этого нам разрешалось приступить к финальной чертежной проработке на больших подрамниках.

В один из таких вечеров, когда на улице уже бушевала настоящая метель, засыпая мокрым снегом питерские мостовые, мы сидели в общежитии. На столе остывали чашки с недопитым чаем, а Света и Даша уже тихо спали, отвернувшись к стенам.

Мы с Мариной шепотом спорили над разложенным прямо на полу листом ватмана, подсвечивая его тусклым светом лампы.

— Если я еще раз перерисую эту лестницу, я сама с нее

сброшусь, — прошептала Марина, роняя голову на колени.
— Даня, скажи мне, что мы близки к финалу. Пожалуйста.

— Мы близки, — я устало потеряла воспаленные от напряжения глаза. — Если Зотов завтра подпишет этот вариант, эскизный этап будет официально завершен. Нам останется только... самое «интересное». Перенести всё это в масштаб, сделать разрезы, генеральный план, развертки стен и вычертить детали. На двух огромных подрамниках.

Марина приподняла голову, и в её глазах отразился настоящий ужас. Я тоже прекрасно понимала, что чертить такие масштабы на полу в тесной комнате общежития, где спят еще два человека, или в шумном, холодном читальном зале, где постоянно кто-то ходит и хлопает дверью — будет непросто.

Утвердив эскизный проект обоими кураторами, мы получили две заветные подписи: размашистая, строгая закорючка Зотова и изящный, летящий автограф Ирины Сергеевны. Нам официально дали зеленый свет на самый тяжелый этап — детальную чертежную проработку и сопряжение конструкций.

Для нашего потока началось время, которое прозвалось «ноябрьским марафоном смертников». Нам нужно было перенести наш эскиз в масштаб 1:50. Начались по-настоящему бессонные ночи. Я сидела за своим столом в комнате общежития, обложившись справочниками по строительным конструкциям, ГОСТами и калькуляторами.

Каждый вечер мы созванивались с Мариной по телефо-

ну, включая громкую связь. Эти ночные звонки стали нашей привычной рутиной. На часах могло быть два или три часа ночи, за окном завывала метель, а в трубке раздавался сонный голос подруги:

— Умоляю, твоя несущая колонна в осях Б-3 не должна быть такой толстой! Из-за её сечения у меня не встает встроенная дизайнерская стойка ресепшена!

— Марина, — я устало вздыхала, протирая глаза и глядя на экран ноутбука с открытым автокадом. — Если я уменьшу сечение этой колонны, то плита перекрытия второго этажа обрушится прямо на твою дизайнерскую стойку. Вместе со всеми посетителями твоего прекрасного павильона. Так что выбирай: эргономика или массовое поражение?

— Жестокая ты женщина, Барышева, — приглушенно раздавался в трубке её зевок. — Ладно, сдвигаю стойку влево. Но тогда мне придется переделывать раскладку напольной плитки в этой зоне. Проклятые колонны...

Днем, сразу после пар, мы ненадолго пересекались в библиотеке Академии. Нам нужно было быстро «стыковать» наши чертежи, накладывая кальки друг на друга на просвет оконного стекла, чтобы проверить, совпадают ли мои несущие конструкции с её планами интерьера и благоустройства. Время поджимало, мы обе были натянуты как струны, уставшие до предела. Иногда, когда в библиотеке становилось слишком шумно из-за подготовки других курсов, мы пытались работать в читальном зале моего общежития.

И в этот безумный пик работы, в Академии состоялся ежегодный Осенний бал.

Естественно, я туда не пошла. В тот вечер у меня была тяжелая смена в ресторане, да и чертежи по ОПК требовали моего присутствия за столом гораздо больше, чем на танц-поле. Пока нарядные студенты в вечерних платьях и смокингах кружились под хрустальными люстрами парадного зала Академии, я разносила заказы, вытирая пот со лба, и думала только о том, как бы дожить до утра.

На следующий день Марина примчалась в библиотеку, сияя от восторга, несмотря на то, что поспала всего три часа после бала.

— Это было просто невероятно! — она восторженно зашептала, падая на стул рядом со мной и выуживая из кармана телефон. — Ты просто обязана это увидеть!

Она открыла галерею и протянула мне экран. На фотографиях моя подруга выглядела как настоящая принцесса. А парадный зал Академии был украшен огромными гирляндами из осенних листьев и цветов, подсвеченный теплым золотистым светом сотен свечей. Вокруг кружились пары, всё выглядело безумно красиво, дорого и празднично — как картинка из исторического фильма.

— Ты, наверное, была самая красивая, Марин, — искренне улыбнулась я, разглядывая её счастливое лицо на фото.

— Ой, да брось, — она смущенно покраснела, но было видно, что ей приятно. — Но мне так тебя не хватало! Чест-

ное слово. Захар из параллельной группы пытался со мной танцевать, но он такой зануда, весь вечер рассказывал мне про новые программы для 3D-визуализации. Я сбежала от него через десять минут.

— Судя по всему было очень весело, — тихо рассмеялась я. — Ты заслужила этот праздник.

— Да какой праздник, у меня теперь все мысли только об этих чертежах, — Марина спрятала телефон и придвинула к себе наш чертежный лист. — Слушай... Мы ведь физически не помещаемся у тебя в комнате. А в читалке сегодня опять будет куча народа. Давай поедем ко мне? Там нам точно никто не будет мешать! Разложимся на большом обеденном столе, спокойно всё дочертим. С ночевкой останешься, выспишься по-человечески. Пожалуйста!

Я замерла, сжимая в руке карандаш. Внутри меня образовалась стена сопротивления.

— Нет, Марин, спасибо, но не надо, — покачала я головой, возвращаясь к чертежу. — Наша общага находится буквально в десяти минутах ходьбы от Академии. Нам не нужно тратить время на дорогу туда и обратно. Зачем терять десятки минут на поездку через весь город, если мы можем потратить это время на проект?

Марина разочарованно вздохнула, но спорить не стала, зная мое упрямство.

— Ладно. Будем ютиться на твоих полутора метрах.

Кое-как, на чистом упрямстве и лошадиных дозах кофе, мы всё же преодолели этот изнурительный этап. Эпюры были сопряжены до миллиметра, несущие конструкции увязаны с дизайном интерьера, а все чертежи — проверены и согласованы. Но следом сразу же стартовал финальный этап — «подача».

Нам выдали огромные деревянные подрамники размером метр на метр. Нужно было натянуть на них плотный ватман, перенести туда все наши выверенные чертежи, выполнить сложнейшую графику тушью и сделать финальную отмывку фасадов.

И вот тут наше упрямство разбилось о суровую строительную прозу. Одно дело — чертить мелкие детали на кальке, сидя на полу в общежитии, и совсем другое — работать с жидкой тушью на огромном метровом планшете. Тушь не прощает ошибок. Одно неловкое движение, одна капля воды или случайный толчок под локоть от проходящей мимо соседки по комнате — и результат полутора месяцев каторжного труда будет мгновенно уничтожен.

— Так, прекрати включать свое фирменное упрямство, — строго сказала Марина. — Посмотри на этот подрамник. Он метр в ширину. Нам нужна идеальная горизонтальная поверхность, стерильная чистота и абсолютная тишина на все выходные. Одно неверное движение — и мы обе идем на пересдачу в январе.

Я посмотрела на подрамник в своих руках, потом на мок-

рый снег за окном и признала, что Марина была права. Мое нежелание переступить порог квартиры Карантисов сейчас ставило под угрозу общий проект.

— Мой папа уехал в командировку, — тихо добавила Марина, видя мои сомнения. — Я уже половину недели одна дома кукую. Это идеальный момент, Данечка. Поехали ко мне? Сделаем нашу работу в тепле и покое.

— Ладно, — сдалась я. — Ты права. Это действительно разумное решение. Только мне нужно уладить дела в ресторане.

Чтобы освободить себе эти выходные, мне пришлось пообещать управляющей, что я отработаю подряд две полные последующие субботы. И со спокойной душой в пятницу вечером сразу после пар мы поехали в сторону дома Марины. Мы припарковались у дома, когда уличные фонари уже зажглись.

Когда дверь квартиры открылась, меня снова окутало невероятное ощущение. В прошлый раз, из-за внезапного появления Яниса Дмитриевича и нашего поспешного бегства, я не смогла толком ничего рассмотреть. В этот раз Марина твердо решила исправить это упущение.

— Так, рюкзаки и подрамники оставляем пока здесь, — она весело закинула свою куртку в шкаф-купе. — Разувайся и идем. Я наконец-то покажу тебе наш дом без спешки и драмы. Только быстренько чайник поставлю.

Я прошлась с ней до кухни, чтобы помыть руки, и дальше

мы пошли гулять по комнатам.

— Вот это папин кабинет, — приоткрыла Марина первую дверь, выходящую в общую прихожую. В помещении у стены высился огромный кульман, а массивный стол был завален документами. — Сюда вход посторонним запрещен. Поэтому двигаемся в соседнюю комнату — мою берлогу.

Как только она распахнула дверь, я невольно улыбнулась. Это пространство было полной противоположностью других помещений этой квартиры. Здесь царил творческий беспорядок: стены были увешаны набросками, акварелями и фотографиями, на кровати лежало пушистое скомканное одеяло, а на подоконнике теснились горшки с суккулентами.

Я медленно прошлась по комнате, с интересом рассматривая детали её мира. Мой взгляд зацепился за туалетный столик из светлого дерева, на углу которого в простых серебряных рамках стояли три фотографии. Я подошла ближе, всматриваясь в снимки. Фоном Марина рассказывала кто изображен на фотографиях.

На первой была ее мама — молодая женщина с длинными, густыми темными волосами, которая бережно держала на руках крошечную годовалую девочку с забавными почти черными кудряшками — маленькую Марину. Женщина весело смеялась, глядя в кадр.

На втором фото эта же женщина была снята крупным планом. Взрослая, статная, невероятно красивая. Она смотрела прямо на меня своими кофейными глазами с очень вдумчи-

вым и серьезным выражением лица.

Я застыла перед рамками, чувствуя, как внутри меня медленно оседает странное осознание.

Эта женщина на фото... её лицо казалось мне смутно знакомым. Дело было даже не в чертах лица. Какими-то неуловимыми деталями — выражением губ, мягким наклоном головы — она отдаленно напоминала мне мою собственную маму.

При этом сама Марина унаследовала от своей матери на удивление мало. Она пошла в отцовскую породу — тонкая, хрупкая, с острыми, изящными греческими чертами лица своей бабушки Софии, которая была на третьей фотографии. В Марине не было этой плавной женственности, которая так явно читалась в облике молодой женщины на снимке.

— Её звали Зарина, — тихо произнесла Марина, заметив мой пристальный взгляд, направленный на фотографии. Её голос мгновенно потерял всю свою обычную веселость, став немного грустным.

— Она... очень красивая, Марин, — искренне прошептала я, не в силах отвести глаз от фотографии.

— Да, она была потрясающей, — она подошла ближе и аккуратно поправила рамку пальцем. — У них с папой была просто сумасшедшая, невероятная любовь. Папа влюбился в неё с первого взгляда, когда они еще учились. Но моя греческая бабушка София её очень долго не принимала. Она ведь строгая, консервативная, хотела для своего единствен-

ного сына правильную греческую невесту из хорошей семьи. А мама была простой девчонкой, без связей и громкого имени. Бабушка устраивала настоящие бойкоты, не разговаривала с папой месяцами. Но он пошел против всей семьи. Сказал, что либо Зарина будет его женой, либо у него вообще не будет семьи. И бабушке пришлось смириться.

Марина вздохнула, её пальцы нежно коснулись стекла рамки.

— Они жили очень счастливо. Папа буквально носил её на руках. Но всё закончилось так быстро. Мама заболела, когда мне было пятнадцать. Сначала она жаловалась на боли в спине, но долго игнорировала их, списывая всё на усталость, на домашние хлопоты, на заботу обо мне. Она просто терпела и молчала, не желая отвлекать папу от его важных проектов. А когда наконец согласилась пойти к врачу... оказалось слишком поздно. Метастазы распространились очень быстро. Она сгорела от рака буквально за три месяца. Папа делал всё возможное, возил её по лучшим клиникам, но чуда не произошло. Я слушала эту трагическую историю, и внутри меня всё сжималось от жалости к этой некогда счастливой семье, чье счастье было так жестоко разрушено болезнью.

— Она смутно напоминает своей внешностью мою маму, честно говоря, и это так странно, — призналась я.

Марина повернулась ко мне, внимательно посмотрела в мое лицо, изучая мои черты, и вдруг очень тепло улыбну-

лась.

— Знаешь, Даня... — тихо сказала она. — Когда я впервые увидела тебя в Академии, я долго не могла понять, почему ты кажешься мне такой знакомой. А потом, когда мы начали дружить, до меня дошло. Ты на самом деле очень похожа на неё. Не один в один, конечно, но... эти каштановые волосы, фигура, манера держать себя. И особенно — твои глаза. Этот твой взгляд. У моей мамы был точно такой же. Я его уже помню не так отчетливо, прошло столько лет, но сейчас, смотря на тебя, почему-то чувствую то же тепло, которое ощущала от нее.

Мое дыхание перехватило. Кусочки пазла в моей голове сошлись в одну картину. Станный взгляд Яниса Дмитриевича. Привязанность Марины.

— Вообще, мне говорили, что я похожа на маму, - проговорила я, пытаюсь мысленно сравнить внешность двух женщин.

— Забавно было бы, если бы оказалось, что наши мамы сестры..., — Марина усмехнулась, но мне показалось, что я услышала в ее голосе надежду.

Я достала телефон и открыла одну из последних фотографий мамы, подставила экран смартфона близко к рамке, но сильного сходства между ними не заметила. Это были какие-то общие черты - темные волосы и глаза, цвет кожи...

— Знаешь, я попробую найти более ранние фото, может из альбома, который мама вела в молодости, а то так плохо

понятно.

Я стояла перед фотографией Зарины, чувствуя, как внутри меня все переворачивается от смеси сочувствия и растерянности.

Глава 7

— Так, давай переодеваться в домашнее и пить чай. Потом сразу пойдем работать, пока настрой не пропал, — Марина показательно взбодрилась и дернулась в сторону кухни.

Я незаметно запечатлела на камеру телефона фотографии, решив позже повнимательнее рассмотреть их наедине, вышла в коридор за рюкзаком, и поняла, что сумку с вещами для ночевки оставила утром в общежитии:

— Марин... — неловко почесала затылок. — Ты будешь смеяться. Но ... в общем, я забыла вещи в общежитии. И пижаму, и зубную щетку. Все подготовила, но оставила в комнате на кровати.

Марина затормозила на полпути к кухне, а затем звонко рассмеялась на всю прихожую.

— Ну ты даешь! Ладно, ничего страшного. Насчет щетки — у меня в ванной лежит целая коробка одноразовых дорожных наборов из авиаперелетов. Сейчас выдам тебе комплект. А вот с одеждой... давай думать.

Она потащила меня в свою просторную гардеробную. Футболка, которая на ней достигала середины бедра, на мне едва прикрывала низ живота. Она была миниатюрной, как подросток. Мой рост и объемы фигуры никак не монтировались с её кукольными пропорциями при росте в сто пятьдесят

сят с небольшим.

— М-да, это не вариант, — пробормотала Марина, зарываясь глубже в недра шкафа. — В моих пижамных шортах ты просто не сможешь вздохнуть. Хм... Подожди. У меня же есть кое-что. Я забрала это себе после смерти мамы, думала, дорасту когда-нибудь, но сейчас уже глубоко в этом сомневаюсь.

Она опустилаcь на корточки и выдвинула самый нижний деревянный ящик тумбы. Достала оттуда сложенный объемный халат глубокого изумрудного оттенка.

— Вот, держи, — Марина поднялась и протянула его мне. — Это мамин. Она была выше меня. На тебе он должен сидеть идеально.

Я бережно приняла дорогую вещь, чувствуя, как прохладная приятная ткань ласкает пальцы. Пройдя в ванную, я умылась, почистила зубы выданной мне одноразовой щеткой, скинула свои джинсы и свитер.

Когда я накинула халат на плечи и запахнула его на талии, завязав широкий пояс, ненадолго задержалась перед огромным зеркалом. Ткань облегла тело, подчеркивая бедра и очерчивая грудь. Длина доходила почти до самых лодыжек. Этот глубокий насыщенный цвет делал мою кожу визуально бледнее, а каштановые волосы, рассыпанные по плечам, казались еще темнее и гуще. Из зеркала на меня смотрела совсем другая Дана. Не усталая студентка-официантка, а молодая женщина с красивой фигурой.

— Ого... Я же говорила. Он сидит на тебе как влитой. Словно под тебя шили, — Марина восхищенно расширила глаза, встречая меня в коридоре.

Мы вернулись к нашему изначальному плану. Выпили горячий чай на кухне, а затем перебрались в гостиную, где на столе свободно уместились оба наших метровых планшета.

Начать работу мы решили прямо в пятницу.

— Нам сегодня нужно нанести хотя бы первые три-четыре слоя отмывки, — я развела китайскую тушь в маленьких керамических пиалах. — Если мы сделаем это ночью, то к утру субботы у нас будет сухая база для набора тона. А завтра весь день посвятим деталям.

Марина согласно кивнула. Мы проработали до поздней ночи, уставшие, но довольные. Субботнее утро началось для нас в девять часов. Марина разбудила меня, поставив на тумбочку чашку крепкого капучино.

— Подъем! — бодро скомандовала она. — Сегодня великий день сушки. Наш главный союзник уже готов к бою. Без него мы вряд ли успеем к сроку.

Она продемонстрировала мне свой фен, который мы использовали для экспресс сушки. Без этого мы бы физически не успели наложить нужные двадцать пять слоев для создания глубоких, реалистичных теней.

Процесс требовал синхронности: я наносила раствор ту-

ши, а Марина послушно шла следом за движением моей кисти, подсушивая влажные следы. К четырем часам дня в глазах уже откровенно двоилось, а спина ныла так, словно по ней прошлись катком.

— Всё, тайм-аут, — отложила я кисть. — Иначе я сейчас промахнусь мимо контура и испорчу весь планшет. Нам нужно сделать перерыв.

— Согласна на все сто, — подруга выключила фен, и в комнате резко стало тихо. — Пойдем на балкон, подышим свежим воздухом, сразу мозги на место встанут. Мы накинули куртки прямо поверх домашней одежды, надели тапочки и вышли на просторный балкон, выходящий в тихий питерский переулок. После душной гостиной, морозная свежесть показалась нам невероятным блаженством. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как прохлада приятно остужает разгоряченное лицо.

— Как же хорошо... — прошептала Марина, глядя на кружащиеся в свете фонаря снежинки.

— Согласна, — улыбнулась я, принимая у неё кружку с горячим чаем.

Затем вернулись в тепло гостиной, чтобы снова погрузиться в работу. Так мы кропотливо потрудились всю субботу до поздней ночи. Часы на стене показывали половину третьего, когда я наконец положила кисть на подставку.

— Боже мой... мы это сделали, — проговорила Марина с красными глазами.

Сил не было больше ни на что. Мы кое-как убрали инструменты со стола, оставив подрамники сохнуть, и буквально поползли в свои спальни. Я рухнула на кровать, даже не успев толком укрыться одеялом, и мгновенно провалилась в глубокий сон.

Проснулись мы ближе к обеду в воскресенье. Когда я открыла глаза, мягкие лучи солнца всюду пробивались сквозь окна, заливая комнату светом. Сладко потянулась под теплым одеялом. Накинула халат и тихо вышла из гостевой комнаты, направившись на кухню, шурша босыми ногами по теплему полу.

Марина уже всю хозяйничала у кухонного острова. На ней был домашний халатик, волосы были растрепаны. Около плиты уже шумела кофемашина, наполняя квартиру ароматом свежесваренного кофе, а на сковороде весело шкворчала яичница с помидорами.

— Доброе утро, соня! — весело позвала она меня. — Точнее, уже добрый день. Мы проспали практически десять часов!

— Доброе утро, — присела я на высокий стул. — Боже, как же вкусно пахнет кофе. Я чувствую себя заново родившейся.

— Держи свою порцию бодрости, — Марина поставила перед мной большую фарфоровую чашку с воздушной молочной пенкой.

Она разложила яичницу по тарелкам и придвинула к нам

корзинку с поджаренными тостами. Мы начали завтракать, неторопливо смакуя каждый кусочек. На душе было удивительно легко и радостно. Вся суета последних полутора месяцев, бессонные ночи, чертежи и споры с кураторами остались позади. Наш проект лежал в гостиной под лампами, полностью готовый ко сдаче.

— Я сейчас ходила в гостиную, смотрела на нашу работу при дневном свете, — Марина сделала глоток кофе, забавно испачкав кончик носа пенкой. — Выглядят потрясающе. Хочется быстрее показать их преподам.

— Мы с тобой круто сработались в паре.

Покончив с яичницей, прихватили свои чашки и переместились в гостиную. Нам нужно было перепроверить каждую линию и обсудить оставшиеся мелкие вопросы перед просмотром. И вдруг нас прервал звук открывающегося замка входной двери.

Я мгновенно застыла на месте, так и оставшись стоять в полунаклоне над столом. Моё сердце бешено заколотилось где-то в горле. Я вопросительно повернула голову в сторону Марины, не меняя позы. Она же удивленно выпрямилась, переводя взгляд на прихожую.

— Хм... — растерянно пробормотала, направляясь к выходу. — Не поняла.

Из коридора донеслись тяжелые шаги. Через секунду в проеме гостиной появился Янис Дмитриевич.

Пройдя в комнату, на ходу бросил сумку на кресло, под-

нял взгляд и... снова застыл. Точно так же, как и в прошлую встречу. Но в этот раз он справился со своими эмоциями быстрее и сдержаннее, но я увидела, как напряглась его челюсть, прочертив острые желваки на скулах. Его глаза бесцеремонно прошли по моей фигуре, упакованной в шелк, задержались на моих босых ногах, а затем поднялись к рассыпанным по плечам волосам и встретились с моим испуганным взглядом.

Все это продолжалось не больше половины минуты, но за это время температура для меня в гостиной поднялась с минусовой до критически жаркой. Мне срочно захотелось выйти на балкон, чтобы немного остудиться.

Марина первая нарушила тишину, подбежав к отцу, чтобы обнять его за шею.

— Папа! Ну даешь! — весело воскликнула она, целуя его в щеку. — Это уже становится какой-то традицией. Каждый раз, когда Дана у нас в гостях, ты врываешься абсолютно неожиданно и пугаешь нас!

— Привет, — снова я услышала этот глубокий бархатистый баритон, от которого у меня побежали по телу мурашки.

Он слегка приобнял дочь за талию, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне. Я попыталась запахнуть халат плотнее на груди, пряча ключицы под шелковым воротником. — У меня перенесли перелет на более раннее время,

поэтому вернулся пораньше. Здравствуй, Дана.

— Здравствуйте, Янис Дмитриевич, — негромко выдавила я из себя, чувствуя, как щеки обдаёт жаром. Быть застигнутой хозяином дома в одежде его покойной жены — это был верх неловкости.

— Как съездил, папуль? — моя подруга отстранилась, увлеченно заглядывая ему в лицо. — Как встреча?

— Да, всё прошло успешно, — Янис перевел взгляд на дочь, ласково погладив её по плечу. Его тон стал теплее. — Проект утвердили без поправок. Но я смотрю, вы тоже времени зря не теряли.

Он сделал шаг ближе к столу и посмотрел на наши подрамники. На его лице отразилось искреннее удивление и одобрение.

— Зрелая графика, — гордо произнес он. — Молодцы, это хорошая работа.

— Мы сушили слои феном вплоть до трех утра, чтобы успеть. — несмело переминалась я с ноги на ногу.

— Это уровень как минимум третьего курса, мне кажется. — Янис негромко усмехнулся, и его взгляд снова остановился на моем лице.

Марина довольно засияла.

— Вот видишь, пап! А ты говорил, что у меня хромает композиционное мышление.

— Я рад, что ошибся, Мариш. Вы, наверно, поздно легли

и очень устали.

— Всё в порядке, спасибо. Марин... мне на самом деле уже пора. Нужно успеть доехать до общежития.

— Ой, я тебя подвезу! — Марина спохватилась, порываясь идти в свою спальню.

— Нет-нет, не нужно, — быстро заговорила я, пятясь в сторону гостевой, чтобы переодеться. — Я доеду на метро, тут станция буквально в пяти минутах пешком.

С этими словами я скрылась за дверью комнаты, быстро скинула халат Зарины, испытывая неловкость, аккуратно сложила его и повесила на вешалку в шкаф. В своей обычной одежде я снова почувствовала себя собой — Даной Барышевой из Верети, прагматичной студенткой, у которой вся жизнь расписана по часам. Собрав рюкзак, вышла в гостиную. Марина стояла у стола, уныло поглядывая в мою комнату.

— А как же твой планшет? — растерянно спросила она. — На улице же метель!

Я задумалась на секунду, но мои мысли прервал Янис.

— Оставь его здесь, Дана, — он стоял у окна гостиной, сложив руки в карманах брюк, и внимательно смотрел на меня. — Марина же за рулем. Она сможет все привезти в понедельник.

Я посмотрела на Марину, которая отчаянно закивала головой в знак согласия.

— Да, действительно... это самый лучший вариант. Спа-

сибо большое. Тогда до завтра?

— До завтра! Встречаемся у кабинета Зотова! — Марина крепко обняла меня на прощание у порога.

Ее папа тоже вышел проводить меня в коридор. Он стоял у двери, высокий, сильный, окутанный своей невидимой, властной аурой.

— До свидания, Дана, — произнес он, глядя на меня сверху вниз, пока я обувалась. — Удачи вам завтра на просмотре.

— Спасибо еще раз. До свидания, — вежливо кивнула ему в ответ и поспешно выбежала на лестничную площадку.

Выбежав на улицу, я подставила лицо под колючие хлопья свежего декабрьского снега. Сделала глубокий вдох, застегнула куртку до самого подбородка и быстро пошла в сторону метро, растворяясь в снегопаде.

Глава 8

Понедельник начался с мандража. Мы встретились с Мариной в вестибюле Академии художеств в половине девятого утра.

— Даня, у меня сердце сейчас из ушей выпрыгнет, — Марина сжимала ручку своего подрамника побелевшими пальцами. — Если он не поставит допуск, я прямо на этом планшете улечу в Вереть к твоим родителям. Возьмете меня в ученики автомеханика?

— Возьмем, — у самой внутри всё сжималось от волнения. — Но сначала давай всё-таки попробуем выловить Зотова. Нам нужен этот его чертов автограф.

Однако наши грандиозные планы разбились о суровую реальность преподавательских будней. Мы битый час простояли у дверей его кабинета на кафедре, прокараулили у преподавательской и даже заглянули в лекционные залы — его нигде не было.

— Зотов на совещании у ректора, — огорошила нас проходящая мимо секретарь деканата. — А потом он уезжает. Сегодня его уже не будет. Приходите завтра.

Мы с Мариной растерянно переглянулись. Таскать туда-сюда с собой огромные тяжелые подрамники метр на метр в метель... В машину Марины их, конечно, можно было за-

грузить, но она боялась оставлять их в багажнике на морозе — ватман от сырости мог пойти волнами.

— Так, — решительно скомандовала я, перехватывая свой планшет поудобнее. — Пошли, устроим временный приют подрамникам в моей комнате.

Мы быстрым шагом направились в сторону моей комнаты. Девчонки как раз собирались на пары. Увидев нашу работу, Даша и Света застыли в священном трепете.

— Это вы сами сделали? — Света благоговейно коснулась пальцем защитной пленки на моем подрамнике. — Выглядит просто нереально. Как настоящий проект дорогого бизнес-центра.

— Это выставочный павильон, — я аккуратно задвинула планшеты в узкий простенок между шкафом и стеной, где на него них не мог случайно наступить. — Свет, Даша, умоляю вас, даже не дышите на них. Если кто-то заденет шваброй или прольет воду — нам конец.

— Да мы вообще к этому углу подходить не будем! — Даша татрально схватила за сердце.

Оставив наши сокровища под надежной охраной девчонок, мы вернулись в Академию. Во вторник история повторилась: Зотов появился на кафедре буквально на десять минут, быстро забрал какие-то документы и улетел на очередную встречу, так и не приняв ни одного студента. Напряжение на нашем курсе росло, предпросмотровая лихорадка накрывала всех без исключения.

Выловить Инквизитора нам удалось только в среду утром, буквально за двадцать минут до начала нашей лекции. Мы с Мариной буквально зажали его в тиски у лестничного пролета, когда он поднимался на кафедру. Пришлось заранее сбегать в общагу и притащить подрамники обратно.

— Пожалуйста, уделите нам пять минут! — взмолилась Марина, преграждая ему дорогу своим планшетом. — Мы принесли готовый проект. Нам очень нужен ваш допуск.

Зотов остановился, тяжело вздохнул, глядя на наши заму-ченные, но полные надежды лица, и поправил очки на переносите.

— Ладно. Заносите ваши шедевры в пустую сороковую аудиторию. Посмотрим, что вы там наваяли.

Мы быстро занесли подрамники и аккуратно выставили их на длинные мольберты у окна. В аудитории было тихо. Зотов медленно подошел к столам. Он достал из кармана пиджака свою знаменитую лупу, надел очки для чтения и склонился над нашими работами. Наступила невыносимая тишина.

Он придирчиво изучал генеральный план Марины, затем перешел к моим конструктивным разрезам. Долго водил лупой по сложным узлам сопряжения металлического каркаса и стекла, проверял толщину линий туши, хмурился и шевелил усами. Мне казалось, что если он сейчас найдет хоть одну ошибку и заставит переделывать — я просто упаду прямо

здесь.

Наконец Зотов выпрямился, убрал лупу в карман и посмотрел на нас поверх очков. На его суровом лице неожиданно появилась скупая, но искренняя одобрительная улыбка.

— Ну что я могу сказать, барышни, — его глубокий голос прозвучал удивительно мягко. — Есть пара мелких замечаний по оформлению экспликации — шрифт мелковат, но в целом... это отличная работа. Настоящий проект.

Я едва не осела на пол от облегчения.

— Спасибо большое! — радостно выдохнула Марина.

Зотов достал из кармана ручку, прижал ладонью уголок моего подрамника и размашисто написал прямо на ватмане: *«Допущено к защите. Зотов Д. С.»*. Затем повторил то же самое на планшете Марины.

— Бегите теперь к Ирине Сергеевне на кафедру дизайна, пусть она тоже визирует. И оформляйте сдачу, — напутствовал он нас.

Мы пулей вылетели из аудитории, едва не сбив с ног проходящего мимо декана. Ирина Сергеевна оказалась у себя в кабинете. Она осмотрела подрамник Марины и без лишних вопросов поставила свою подпись: *«Допущено. Ирина Сергеевна»*.

Получив обе заветные подписи, мы, не помня себя от счастья, побежали в деканат. Секретарь приняла наши заявления, зафиксировала допуски кураторов в журнале и офици-

ально зарегистрировала наш проект на Кафедральный просмотр (официальную защиту), который был назначен на пятницу следующей недели.

Выйдя на широкое крыльцо Академии, я впервые за последние полтора месяца сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Свежий воздух наполнил легкие, принося с собой ощущение свободы.

Я прислонилась спиной к холодной гранитной колонне и прикрыла глаза. Всё это время, пока мы чертили, считали и не спали ночами, даже не осознавала, под каким колоссальным давлением находилась. Это была моя первая большая, по-настоящему ответственная практическая работа в жизни. На мне лежала ответственность не только за свои оценки, но и за Марину, за наш общий результат. Я боялась подвести её и подставить перед отцом.

— Мы сделали это, Даня, — Марина мягко ткнула меня локтем в бок, улыбаясь во весь рот. — Мы официально допущены. И у нас есть целая неделя относительного покоя перед защитой!

— Да, — я открыла глаза и улыбнулась ей в ответ. — Целая неделя. Даже не верится.

Началась зачетная неделя. К моему огромному облегчению, она оказалась относительно простой и безболезненной. Все промежуточные зачеты по непрофильным предметам я сдала практически автоматом благодаря своей идеальной посещаемости и хорошим конспектам.

Освободившееся время я решила полностью посвятить работе в ресторане. Мне нужно было выполнить свое обещание, данное управляющей Алле Викторовне, и отработать две полные субботы и воскресенья подряд.

Я вышла на свои смены с новыми силами. Физическая работа после полутора месяцев изнуряющего умственного труда теперь казалась мне отличным способом сместить фокус.

— Барышева, ну наконец-то ты вернулась в наши ряды! — весело приветствовал меня Костя у барной стойки в субботу утром, наливая мне стакан сока. — А то на тебя смотреть страшно было — ходила как привидение, посуду била, на людей кидалась. Сегодня прямо сияешь. Сдала свои чертежи?

— Почти, — улыбнулась я, принимая стакан. — Допуск получили, официальная защита в следующую пятницу. Так что у меня неделя передышки. Готова пахать за двоих.

— Вот это я понимаю — боевой настрой! — одобрительно кивнул бармен. — Давай, у нас сегодня полная посадка ожидается, так что твоя бодрость прям во время.

Я отработала эти выходные на одном дыхании. Мои ноги, конечно, гудели к концу смен, но это была приятная физическая усталость, которая легко лечилась горячим душем и крепким восьмичасовым сном в общежитии.

С Мариной в эти дни мы виделись чуть реже, но мы постоянно переписывались в мессенджерах поддерживая связь. Наша дружба за время совместной работы над проектом ста-

ла еще крепче.

В следующую пятницу состоялся долгожданный Кафедра́льный просмотр.

В выставочном зале кафедры проектирования было шумно и торжественно. На стенах встык друг к другу висели десятки огромных студенческих планшетов. Когда члены жюри во главе с заведующим кафедрой подошли к нашей экспозиции, мы с Мариной выстроились по стойке «смирно». Внутри меня ворохнулось волнение, но защита прошла блестяще. Заведующий кафедрой похвалил наш тандем за «идеальное междисциплинарное сопряжение конструкций и дизайна» и поставил «Отлично».

Выйдя из зала защиты, мы с Мариной прямо в коридоре закричали от восторга и крепко обнялись, наплевав на удивленные взгляды проходящих мимо первокурсников. Это была наша общая, честная победа. Первая большая победа в мире архитектуры.

Декабрь в целом оказался невероятно удачным и счастливым для нас обеих. Впереди маячили веселые новогодние праздники и каникулы, и весь мир казался нам удивительно ярким, перспективным и полным надежд. Я засыпала в своей комнате общежития в ожидании поездки в родной город к любимым родителям.

А двадцать девятого декабря, зажав в руке билет и небольшой дорожный чемодан, я буквально взлетела по ступенькам вагона, вдыхая знакомый с детства запах мокрого металла и

чая в подстаканниках. Поезд в Вереть отходил поздно вечером. Стук колес поезда убаюкивал, а за окном мелькали бескрайние заснеженные леса, постепенно унося меня прочь от шума мегаполиса, Академии и моих собственных путаных мыслей.

Вереть встретила меня кусачим морозцем. Когда я вышла на перрон нашего маленького вокзала, из толпы услышала знакомый голос.

— Данюша! Доченька!

Мама бежала ко мне по заснеженной платформе, смешно увязая пуховиком в сугробах. Она выглядела такой родной: в своей пушистой вязаной шапке, с раскрасневшимися от мороза щеками и сияющими от слез глазами. Следом за ней шел отец, как всегда спокойный, надежный, в своей старой дубленке.

Я бросила сумку прямо в снег и уткнулась носом в теплое мамино плечо, вдыхая её родной запах. Мама крепко прижала меня к себе, целуя в виски.

— Боже мой, как ты похудела, доченька... — шептала она, глядя меня по спине. — Совсем исхудала со своими чертёжами.

— Привет, дочка, — отец подошел ближе, его сильные руки крепко обняли нас обеих, укрывая от холодного ветра. Он бережно забрал мой маленький багаж и тепло улыбнулся. — Ну, добро пожаловать домой. Пошли, мать там чего-то только не напекла — за версту пахнет.

Наша уютная квартира встретила меня невероятным теплом и праздничным настроением. В углу гостиной стояла пушистая искусственная елка, украшенная старыми советскими стеклянными игрушками, которые я помнила с самого детства, и мерцала разноцветными огоньками гирлянд. Дом пах яблочным пирогом с корицей, хвоей и мандаринами. Это была моя гавань. Место, где мне не нужно было быть сильной, не нужно было носить маску взрослой и независимой Даны Барышевой. Здесь я снова могла побыть просто любимым ребенком.

К сожалению, у меня было всего четыре-пять дней. Зимняя экзаменационная сессия в Академии стартовала уже в десятых числах января, и мне было жизненно необходимо вернуться в Петербург пораньше, чтобы успеть доучить билеты, а время дома летело со скоростью света.

Новогоднюю ночь мы встретили тихо, по-семейному. Сидели у телевизора, пили чай, ели мамин фирменный салат и много разговаривали.

Сразу после полуночи мой телефон ожил от бесконечных поздравлений. И самым первым на экране высветилось сообщение от Марины:

«С Новым годом! Желаю нам в следующем году только отличных оценок, идеальных подрамников и чтобы Зотов наконец-то подобрел. Я безумно скучаю! Тут очень скучно без твоего ворчания над чертежами. Возвращайся скорее!»

Я улыбнулась, быстро набирая ответ:

«Маришка, с Новым годом! Спасибо тебе за всё. Тоже безумно скучаю. Обещаю вернуться четвертого января. Иди ешь оливье и не смей чертить в праздники!»

Мы созванивались с ней на каникулах всего пару раз и периодически переписывались в течение дня, делясь фотографиями. Марина присылала мне снимки их загородного дома, утопающего в сугробах, и хвасталась, что папа устроил ей настоящий праздник, запустив во дворе огромные фейерверки. Глядя на эти фото, я вглядывалась в задний план, надеясь поймать в кадр хотя бы силуэт её отца, но Яниса Дмитриевича на снимках не было.

Днем второго января, когда отец ушел в свою мастерскую, чтобы помочь соседу перебрать застучавший двигатель старой машины, мы с мамой устроились на кухне. Мама заварила ароматный чай с липовым цветом, и мы сидели друг напротив друга, наслаждаясь тишиной.

— Расскажи про свою Марину, Данюш, — мама мягко накрыла мою ладонь своей теплой рукой. — Ты по телефону о ней уже пару раз упоминала, говорила, что вы вместе проект делали. Она хорошая девочка?

— Она потрясающая, мамуль. Знаешь, я сначала думала, что мы не сможем дружить. Она ведь из очень богатой семьи, у неё папа — крутой застройщик, архитектор. У Марины есть всё, о чем можно только мечтать: дорогая маши-

на, брендовые вещи, огромная квартира в историческом центре... Но в ней нет ни капли высокомерия. Она очень простая. Помнишь, я рассказывала, как мы работали над финальной подачей проекта? Так вот, Марина буквально силой затащила меня к ним в квартиру на Петроградской стороне, потому что в общежитии было слишком шумно и тесно для работы с тушью. Она всю субботу помогала сушить слои отмытки феном, хотя сама была уставшей.

— Очень хорошая девочка, значит, — одобрительно кивнула мама. — Я рада, что ты нашла такого близкого человека в чужом городе. А её семья? Ты говорила, они вдвоем живут?

— Да, вдвоем, — сделала глоток чая. — Её мама умерла три года назад от рака. С тех пор Марина живет с папой. Его зовут Янис Дмитриевич. Грек кстати. Он... очень сложный человек. Строгий такой, держит Марину в железных рукавицах. Но при этом очень её любит. Марина рассказывает, что они как друзья, делятся всем.

— Жалко, конечно, девочку, — тихо вздохнула мама, качая головой. — Ну ладно, видимо судьба такая.

Про пристальные взгляды Яниса я предпочла умолчать.

— Мам, — тихо позвала я, глядя на её доброе лицо. — А у тебя остались твои старые фотографии? Ну, когда ты была молодой. Примерно в моем возрасте.

— Старые фото? — удивилась мама. — Да, конечно. А зачем они тебе?

— Просто... хочется посмотреть, — неловко улыбнулась

я. — Сравнить, насколько мы с тобой похожи. Девчонки в общежитии говорят, что я вылитая ты в молодости.

— Ой, ну пойдем посмотрим, — рассмеялась мама, поднимаясь из-за стола.

Мы прошли в родительскую спальню. Мама выдвинула ящик комода и достала оттуда большую, обитую бархатом коробку с семейными архивами. Мы уселись прямо на кровать, перебирая старые, слегка пожелтевшие черно-белые и цветные снимки.

Я всматривалась в лицо молодой мамы на фотографиях конца восьмидесятых. Вот она стоит на фоне какого-то парка в простом ситцевом платье, улыбаясь в кадр. Вот она в белом халате в медицинском училище. Я бережно выбрала две фотографии, где мама была снята крупным планом, и попросила:

— Мамуль, можно заберу эти две с собой в Питер? Поставлю у себя на столе в общежитии, буду смотреть, когда соскучусь.

— Конечно, зайка, бери, — мама ласково погладила меня по голове.

Позже, когда мама ушла в магазин за продуктами, а я осталась одна в квартире, я заперлась в ванной комнате.

Внутри меня бушевало любопытство, смешанное с непонятным чувством тревоги. Я достала из кармана телефон, разблокировала его и открыла фотографию, которую сдела-

ла тайком в комнате Марины — снимок портрета Зарины.

Затем я положила на край раковины две старые фотографии своей мамы.

И долго всматривалась в эти лица, переводя взгляд с экрана телефона на пожелтевшие снимки. Это было поразительно. Моя мама и Зарина не были похожи один в один, но в их обликах читалось нечто общее. Какая-то особая женственность, очертания губ и улыбка. Затем я положила фотографии мамы обратно в карман, взяла в руки телефон с открытым снимком Зарины и встала прямо перед большим зеркалом над раковиной.

Медленно собрала свои густые каштановые волосы на затылке в небрежный свободный узел, закрепив его заколкой. Приоткрыла воротник своей простой домашней футболки, обнажая шею и ключицы.

Затем я повернулась к зеркалу в пол-оборота, скопировав позу Зарины на фотографии. Слегка наклонила голову набок и посмотрела на свое отражение через плечо.

Из зеркала на меня смотрела женщина со снимка.

Мои длинные каштановые волосы, тяжелыми прядями падающие на открытую шею. Форма плеч, даже очертания фигуры под легкой тканью домашней одежды — сходство было очевидным. А еще глаза: разрез, форма, чуть нависшее веко — я не понимала, как два разных человека, не являющиеся друг другу родственниками, могут быть так похожи.

В моей памяти мгновенно, с ослепляющей вспышкой,

воскресла сцена на кухне Яниса.

Я словно физически почувствовала, как по коже пробегает озноб. Вспомнила его потрясенное лицо. И этот его взгляд — горящий, вероятно, я ему напомнила образ погибшей жены, которую, судя по словам Марины, он безумно любил.

«Господи... — подумала я, сжимая край раковины пальцами. — Он ведь действительно увидел её. Во мне».

По моей спине побежали крупные мурашки. Это открытие будоражило, пугало и одновременно заставляло моё сердце биться чаще от какого-то странного, запретного волнения. Я на секунду зажмурила глаза и представила себя рядом с ним, в роли Зарины. И тут же распахнула их, рассеивая наваждение, затем поспешно распустила волосы, позволяя им водопадом упасть на плечи, закрывая шею, и выключила экран телефона. Мне нужно было немедленно взять себя в руки. Я Дана Барышева. И у меня впереди сложнейшая сессия, о которой мне нужно думать в первую очередь.

Четвертого января пришло время уезжать обратно в Петербург.

Прощание на вокзале было немного грустным. Морозец крепчал, изо рта поднимался густой пар. Мама крепко обнимала меня, поправляя мой шарф и передавая пакет с гостинцами.

— Учись хорошо, доченька, но про еду не забывай, — со слезами на глазах проговорила она. — И одевайся теплее, а то просквозит в один миг. Звони нам чаще, мы с папой очень

ждем твоих звонков.

— Обещаю, мамуль, — я крепко прижала её к себе, целуя в холодную щеку. — Буду звонить каждые выходные. Берегите себя.

Отец крепко пожал мне руку, а затем притянул к себе, неловко, но очень надёжно обнимая за плечи.

— Характер у тебя железный, сессию сдашь на отлично, я в тебе не сомневаюсь.

— Спасибо, пап, — улыбнулась я, чувствуя, как на душе становится тепло от их веры в меня.

Забрав сумку, я поднялась в вагон поезда. Сквозь замерзшее, покрытое морозными узорами стекло я помахала им рукой, пока поезд плавно не тронулся, унося меня обратно в холодную столицу. В кармане моей куртки, бережно завернутая в чистый лист бумаги, лежала старая фотография молодой мамы. Мой маленький талисман, связывающий меня с моим безопасным домом.

Глава 9

Санкт-Петербург встретил меня настоящими январскими морозами. Когда поезд плавно затормозил у заснеженной платформы Ладожского вокзала, я увидела сквозь покрытое инеем стекло Марину. Она стояла у вагона, укутанная в пушистый шарф, и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, высматривая меня в толпе пассажиров.

— Даня! — она радостно замахала рукой, как только я ступила на обледенелый перрон. — Наконец-то!

Она обняла меня. Я улыбнулась, прижимая её к себе в ответ.

— Привет, Маришка! Рада тебя видеть, — я забрала свой багаж. — Холодно тут у вас. В Верети мороз сухой, а здесь из-за влажности просто пробирает до костей.

— Пошли скорее в машину, я её прямо у вокзала припарковала и оставила включенной, чтобы садиться было тепло, — Марина подхватила меня под руку и потащила в сторону парковки.

Мы быстро добежали до её кроссовера, закинули мои вещи на заднее сиденье и скользнули в салон. Теплый воздух тут же окутал замерзшие щеки. Марина вырулила с территории вокзала, направляясь в сторону общежития.

— Давай сначала заедем к тебе, оставим все в комнате, а потом поедем куда-нибудь посидим, — предложила она,

маневрируя в потоке машин. — Завтра ты уже выходишь на свои смены в ресторане, и мы снова будем видеться только в библиотеке да на экзаменах. Так что сегодняшний день мы просто обязаны провести вместе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.